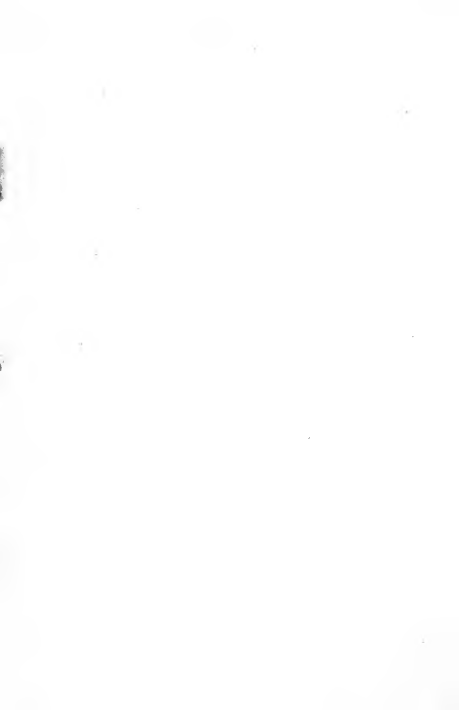

Т. Керашев
ДОЧЬ ШАПСУГОВ
Адыгнациздат
1951

Т.М.Керашев

ДОЧЬ ШАПСУГОВ

ПО МОТИВАМ НАРОДНОЙ АДЫГЕЙСКОЙ НОВЕЛЛЫ

Адыгнациздат
Майкоп
1951

СТАРОГО коневода Кизбеча в тот вечер собралось довольно большое общество. Но кроме самого Кизбеча и секретаря колхозного правления Аюба, — увлекающегося, восторженного юноши и пылкого поклонника Кизбеча, — я среди собравшихся никого не знал.

К Кизбечу привел меня Аюб. Я давно стремился встретиться с прославленным колхозным коневодом. О нем шла молва, как об одном из немногих стариков, которые хранят еще тайну древнего искусства коневодства у адыге-черкесов.

По дороге Аюб обнадежил меня, что Кизбеч непременно расскажет нам что-нибудь интересное. Заметно было, что и сам Аюб явно непрочь послушать Кизбеча и потому так охотно вызвался проводить меня к нему.

Небольшого роста, плотно сбитый, широкий в плечах, с крупной головой и большими руками, старик напоминал низкорослый кряжистый дуб. Но таковы все конники: ни дряхлость, ни седина их не берет, — несмотря на седьмой десяток лет, выглядел он моложаво, а круглая, тщательно подстриженная борода его лишь незначительно тронута сединой.

И такая, казалось бы, несоразмерная с его маленьким ростом была ему свойственна спокойная величавость и такая уверенная сила сказывалась в нем, что, глядя на него, невольно вспоминалась старая адыгская поговорка: «Среди малорослых бывает много мужественных».

Аюб еще по дороге предупредил меня, что Кизбеча подчас бывает трудно втянуть в общий разговор, а не то что вызвать его на рассказ. Но тут же он успокоил меня: «Конечно, с норовом старик, язык ему развязать трудно, но, будь спокоен, я умею к нему подойти. Есть у него слабость, — кони». И действительно, беседа вначале шла вяло, но заметно было, что все ожидают чего-то от сегодняшнего вечера. И тут хитрец Аюб вдруг обратился к Кизбечу:

— Интересную историю рассказал мне один знакомый. Он был не только участником Отечественной войны, но и войны гражданской. Так вот, когда при нем зашел разговор о конях, он сказал, что после гражданской войны он видел в Ставрополе более десятка коней, которые прошли всю гражданскую войну и остались целы и невредимы. А некоторые из этих коней, говорил он, участвовали еще и в первой мировой войне. Когда кончилась война, их собрали в Ставрополе вроде как в музей. Может ли быть такое, Кизбеч? Что-то невероятно, чтобы конь мог столько вынести?

— Что ж тут невероятного? — сдержанно отозвался Кизбеч. — Такое вполне может быть.

— Нет, это не похоже на правду. Машина и та едва подобное выдержит,—сказал кто-то из присутствующих.

— Это может показаться неправдою тому, кто не знает, на что способен конь, — ответил Кизбеч все так же сдержанно, но раздражение уже слышалось в его голосе.

Никто больше не возражал Кизбечу. Я не мог понять ни того, почему Кизбеч так упорно отмалчивался, словно остерегаясь любимой темы, ни того, с какой необычной для адыгского характера уступчивостью избежал спора его собеседник. И вдруг у меня мелькнула мысль: «А нет ли здесь хитрого сговора? Может быть, они хотят заставить своенравного и строгого старика

рассказать что-нибудь?» Если это так, то, надо признаться, они приводили свой замысел в исполнение с большим тактом. Старика задели за живое и почтительно умолкли. Теперь, предоставленный самому себе, окруженный молчащими людьми, старик вынужден будет пояснить нам, почему он так резко ответил своему собеседнику. А стоит ему только заговорить, как он незаметно сядет на своего конька и порадует всех нас какой-нибудь интересной историей. Да, расчет был верный.

В комнате воцарилось долгое, неловкое молчание.

Кизбеч сердито подул в усы (это, разумеется, было направлено против того наглеца, который посмел усомниться в достоинствах коней и, главное, посмел принизить коня перед машиной), достал кисет, свернул цыгарку и медленно заговорил:

— Такой путь, конечно, могли выдержать только хорошие, достойные кони... Но заслуга здесь, в первую очередь, не коней, а тех людей, которые ездили на этих конях. Опытные, знающие и заботливые седоки — вот в чем весь секрет. Будь побольше таких ездоков, гораздо больше было бы и таких коней, которые прошли бы всю гражданскую войну, — конечно, не считая тех, которых унесла пуля. А неопытный и нерадивый ездок может самого лучшего коня загубить в несколько недель. Это только в сказках бывает так: сел на коня и поехал в дальний путь. А сколько труда и умения надо приложить, чтобы конь стал годным для дальнего пути? Об этом многие и представления не имеют. А ведь это нелегкое дело. Гость наш, возможно, осуждает меня за резкость в беседе, но это не впервые случается тут между нами. Я требую от нашей молодежи, чтобы она изучила былой опыт адыге по коневождению и внесла этот вклад в нашу советскую науку о коне. У народов, проведших свою прошлую жизнь в седле, сохранился ценный опыт по коневождению. Да и у служилых казаков богатый опыт в этом деле. Но этому опыту, поколениями проверенному опыту, многие наши ученые и неученые коневоды совсем внимания не уделяют. Вот, например, исконная народная практика табунного разведения лошадей оправдана ведь особым постановлением правительства. А они вздумали было разводить лошадей в конюшнях, как коров в хлеву!

Вот для того, чтобы дать вам хоть немного узиать о былом искусстве коневодства у адыге, я расскажу вам одну старую историю.

Эту историю часто рассказывал мой дед. Он скончался незадолго до русско-японской войны, прожил сто пятнадцать лет и был свидетелем знаменитой битвы при Бзиюко в 1795 году. Он был тогда еще подростком. Вероятно, вы слышали про эту битву? Шапсуги[1] прогнали со своей земли дворянский род Шеретлуковых, которые грабили крестьян и творили всякие беззакония. Шеретлуковы бежали к бжедугам. Бжедугские князья взяли их под свою защиту и пошли войной на шапсугов. Но дело тут было, коиечно, не в Шеретлуковых. Киязья бжедугов и других адыгских племен давно имели зуб против шапсугов за то, что те не хотели подчиниться княжеской власти, и киязья только выжидали случая, чтобы силою оружия утвердить в Шапсугии княжескую власть. Князья боялись, как бы их крестьяне, по примеру шапсугов, не поднялись и ие прогиали своих господ. Так вот и произошла эта битва между кияжеским войском и шапсугскими крестьяиами. Много народу полегло, но покорить шапсугов князьям не удалось.

История, которую я хочу вам рассказать, произошла вскоре после этой Бзиюкской битвы.

---

[1] Адыгскнй народ составлялв следующие главнейшие племена: шапсуги, натухаи, абадзехи, бжедуги, темиргои, бесленеи, кабардинцы и другие более мелкие племена. Общественный строй адыге до покорения царизмом можно характеризовать как раннюю стадию феодализма, разной степени развития у различных племен. Причем у шапсугов, иатухайцев и абадзехов к тому времени, о котором речь идет в этой повести, ие было еще княжеской власти, а лишь происходил процесс выделення мелкодворянского сословия — уорков.

ДОЧЬ ШАПСУГОВ

I

РАННИМ осенним утром по шапсугскому берегу реки Афипс, густо поросшему лесом, ехал верховой. Надо напомнить вам, что в те далекие времена в нашем Закубанье безлесные открытые поля встречались так же редко, как теперь лесные массивы. Вековой, дремучий лес гигантскими зелеными волнами сползал с гор и заполнял пространство до берегов Кубани и Лабы. Все вокруг, до самого горизонта, замкнутого на юге многоголовым фиолетовым Кавказским хребтом, было покрыто сплошным лесом, который адыге называли — «жилище бога лесов». Большие и малые поляны да от-

воеванные человеком у лесов пахотные земли вокруг населенных мест, тоже напоминающие громадные лесные поляны, вот все открытые места, которые можно было в то время встретить в Закубанье.

Широкая колея, проложенная арбой, по которой ехал всадник, была едва заметна в высокой, но редкой, почти лишенной солнца, лесной траве. Это говорило о том, что аул еще далеко и дорога эта малопроезжая. Она петляла от поляны к поляне.

По всему видно было, что путник этот — человек походной жизни. Об этом свидетельствовали изрядно потертые сафьяновые накладки на коленях шаровар, на поясе, у рукоятки кинжала, а также обтрепанные короткие рукава черкески, какие носили тогда воины,—обычные, длинные рукава мешали в бою. Карий конь его был изрядно измотан, переметные сумы за седлом туго набиты — ясно было, что он едет издалека.

Среди коней адыгской породы этот карий был из самых крупных. Он не отличался округлой, сытой красотой,— как борзый, поджарый, он был худощаво-угловат, но мощного сложения в груди, упругие, как желваки, мускулы перекатывались под блестящей шерстью. Это был настоящий трудовой адыгский конь, который не тратит своей силы в напрасной резвости и способен многие месяцы неутомимо нести всадника по тяжелым дорогам походов, проскакать, когда надо, десятки километров и, раза два глубоко вздохнув, снова двинуться в путь таким же деловитым, размеренным крупным шагом.

И всадник являл собою яркий образец адыгского наездника, с тонко высеченными резкими чертами лица и всей стати. У него был богатырский размах плеч, тонко перетянутая талия, загорелое, чуть скуластое лицо с красиво вьющимися усами... Но главное, что привлекало к нему внимание, — это уверенное спокойствие и выражение мягкой мечтательности во взоре. Спокойствие и мечтательность! Это в ту пору в крае, где чуть отъехал человек от границы аула, и родная земля становилась ему враждебной чужбиной, тая коварную опасность для его жизни и свободы...

На пути всадника стали встречаться обработанные поляны, огороженные от диких зверей навалом из сруб-

ленных деревьев. Рожь и просо были уже убраны, но кое-где еще дозревали полоски кукурузы.

На опушке леса возле одной из таких полян путник увидел свежие следы коня. Небольшой отрезок дороги был сильно истоптан, виднелись следы коня, которого на всем скаку круто остановили и копыта его пробороздили в земле длинные рытвины. Похоже было, что здесь кто-то джигитовал на коне. Но джигитовать в такой глуши, да еще одинокому всаднику?.. Путник на минуту придержал своего коня и оглянулся по сторонам. На обочине дороги он увидел небольшой куст шиповника, который был весь измят, а с крайних веток его содрана кора и сорваны листья; они валялись тут же на земле, не успев еще завянуть. Затем он увидел на дороге сухую ветку, по всем признакам сломанную совсем недавно. Он взглянул вверх и высоко на дубе обнаружил свежее место слома. Очевидно, здесь кто-то и аркан бросал. «Какой-нибудь паренек забавлялся», — решил путник и тронул коня. Но и дальше, на довольно большом протяжении вдоль обочины дороги он увидел срубленные прутья. Срез был косой, и по уровню срубленных веток ясно было, что рубили шашкой с седла. Некоторые ветви, валявшиеся на земле, были так толсты, что требовались редкая сила удара и незаурядное мастерство владения шашкой, чтобы с одного маху срезать их. Вряд ли это могло быть делом незрелой юношеской руки. Да и клинок для этого должен быть редкого качества.

Путник был озадачен.

Вскоре след коня свернул с дороги и исчез в лесу. Вдруг до слуха путника донесся какой-то рев. Чем дальше он продвигался, тем рев становился явственней. Путник прислушался: время от времени он стал различать и топот конских копыт. Вскоре дорога вывела его на небольшую поляну, откуда доносился этот шум. Осторожно выглянув из чащи ветвей, путник увидел необыкновенную картину. Юноша верхом на лошади волочил на аркане медведя. Медведь вскочил и кинулся на всадника, но тот, стремительно скакнув конем, снова опрокинул медведя. Так продолжалось это состязание между зверем и человеком: медведь вскакивал, бросался на всадника, всадник рывком пускал коня вскачь, опрокидывал медведя и волочил его по земле. Трудно было предви-

деть, чем это кончится: аркан обвил шею медведя и, прихватив одну лапу, крепко держал.

На молодом всаднике была круглая суконная крестьянская шапочка, с узкой меховой оторочкой; одет он был в короткий бешмет из серого домашнего сукна. Вооружен юноша был пистолетом и шашкой, но по всему было видно, что ему не хотелось применять оружия. Он явно забавлялся этой необыкновенной игрой. На его лице не было заметно ни растерянности, ни страха. Он напряженно и с увлечением следил за зверем, упорно и ловко повторяя один и тот же прием борьбы. Аркан держал он одной рукой, как заправский лихой наездник, защемив его между стремянным ремнем и деревянным ложем седла и обернув конец вокруг бедра. Конь всадника был уже весь в пене, зловонная испарина исходила от зверя. А конца состязания не было видно.

Путник наш некоторое время глядел на эту сцену, но, увидев, что юноша не нуждается в его помощи, он с улыбкой промолвил вслух: «Хорошая забава для молодого человека» и поехал прочь.

Теперь дорога пошла по местам более обжитым, уже все поляны были обработаны или покрыты скошенным сеном; в лесу все чаще встречались вырубленные места, — аул был недалеко.

По дороге показался встречный всадник. Это был пожилой человек, из крестьян. Когда они близко подъехали друг к другу, старик остановился, слез с коня и пешком направился к путнику, ведя на поводу коня. Этим он подчеркивал свое уважение к гостю, которого, видно, узнал. Гость тоже спешился.

— О, фасапши[1], наш Хатхе Мхамат! — приветствовал его старик.

Это было имя знаменитого шапсугского гуазе—предводителя отрядов. О Хатхе Мхамат-гуазе народ слагал легенды и песни.

После взаимного приветствия старик почтительно помог гостю сесть на коня: он придержал одной рукой правое стремя, а другой уздечку. В знак особого почета прославленному гостю старик повернул обратно и поехал рядом, с левой стороны от него. Когда они проеха-

[1] Фасапши — с добрым прибытием.

ли так некоторое время, Хатхе остановил своего коня, поблагодарил старика за оказанную честь и предложил ему продолжать свой путь. Но старик возразил:

— Мы, шапсуги, не оказываем этой почести князьям и дворянам, но достойному человеку мы всегда рады оказать любые почести. Бог послал мне навстречу Хатхе Мхамата, и непростительно мне упустить такого славного гостя. Не так уж важны мои дела, могу и после съездить...

Вскоре показался аул. Он тянулся узкой полосой по берегу речонки Убын, сзади зеленой стеной стоял лес. Когда всадники въехали в аул, до них донеслись звуки трещоток и камыля[1].

— Свадебный джегу[2], — пояснил старик.

В ауле была одна единственная извилистая улица, от нее ответвлялись кривые проулочки-тупички, которые вели во дворы. Все строения были похожи друг на друга: небольшие плетеные мазанки, крытые большей частью болотной травой. Изредка попадались более крупные, вернее сказать, более длинные дома, крытые камышом— это дома тех, кто побогаче.

Хатхе Мхамат обратил внимание на один двор: он не отличался богатыми постройками — всего лишь небольшой домик да хозяйственный сарайчик. Но зато около дома раскинулся редкий для этих мест богатый сад. Два огромных дуба росли перед домом, от корней до самых макушек они были увиты вьющимся виноградом, зрелые гроздья чернели в листве. Хатхе, изъездивший все уголки адыгской земли, знал, что такие сады водятся только на морском побережье да в долинах горной Абадзехии. Удивленный Хатхе спросил у спутника, кто хозяин этого дома.

— Это двор незабвенного нашего покойного Моса, — услышал он в ответ.

— Моса — героя Бзиюкской битвы?

— Да, того самого.

[1] Камыль — род духового музыкального инструмента у адыге — тростниковая или железная тонкая трубка с тремя отверстиями.

[2] Джегу — веселье, общие танцы.

— Не подобает шапсугу проехать мимо двора Моса и не отдать селяма его дому, — сказал Хатхе, придержав коия.

Хатхе и его спутник спешились, вошли во двор. Старик привязал коией к коновязи и пошел к дому, чтобы известить хозяев о прибытии гостя. Вернувшись, он приият иа себя обязаиности хозяииа и повел Хатхе в дом. Вскоре в комиату вошла пожилая жеищина, жеиа покойиого Моса. Хатхе сказал жеищине обычиые слова соболезноваиия о покойном и выразил свое уважеиие к его памяти. После этого ои хотел сейчас же уехать, но женщиua запротестовала.

— Если я отпущу Хатхе Мхамата и ои уедет, не отведав моей соли-каши[1], то и покойный проклянет меня на том свете, и все живые осудят. Прошу не опозорить дом мой и ради памяти покойиого отведать моего угощения.

Весть о прибытии Хатхе Мхамата с быстротой молнии обежала аул. Несколько стариков пришли приветствовать его. Во дворе появились люди, оии зарезали барашка и быстро освежевали его.

Хатхе спросил у своего провожатого, кто остался в живых из семьи покойиого Моса.

— Жеиа и один сын, — больше никого.

— А где же сын?

— Его сейчас иет дома. Навериое, он в поле.

— Аичок иеплохой пареиь, достойиый сын своего отца, — сказал другой старик.

— Во время Бзиюкской битвы я был в отъезде. И теперь хочу спросить вас, — продолжал Хатхе, обращаясь ко всем присутствующим. — Разиоречивы вести о гибели Моса. Расскажите, как это произошло.

— Одии из крестьян иашего аула был тяжело ранеи на поле боя и лежал неподалеку от Моса. Он рассказывает так...— иачал старик, который иазвал имя Аичока.— В Бзиюко, как известио, погибло очень много шапсугов; к вечеру шапсугам пришлось отступить с поля боя. Они унесли с собой раиеиых, а убитых подобрать ие ус-

[1] Соль-каша — соответствует выражению у русских—«хлеб-соль».

пели. Наш односельчанин, о котором я говорнл, и покойный Мос оставалнсь иа поле боя — думалн, что они уже мертвы. После того, как бнтва окончилась, старшнй князь бжедугов Хаджимуко объезжал поле сражения верхом. Бжедугскне князья н уоркн[1] рассказывают, будто Хаджнмуко объезжал поле для того, чтобы подбнрать раненых; оии даже распространяют слух, будто бы он велел подбнрать также и ранеиых шапсугов. Но это неправда. Хаджнмуко сопровождало иесколько подвод, и ои складывал туда вовсе не раненых, а оружие. Он ездндл по полю со своими уоркамн, высматрнвал иа убнтых хорошее оружие и приказывал складывать его в арбы. Вот зачем киязь Хаджнмуко объезжал поле сражения. Это собствениыми глазами вндел наш односельчаннн. Он рассказывал, что когда Хаджнмуко приблизнлся к тому месту, где лежал Мос, тот зашевелнлся и вслед за этнм раздался его выстрел. Этнм последннм выстрелом наш Мос уложнл коварного врага шапсугов. Ведь Мос побывал во всех краях адыгской землн и, конечно, хорошо знал Хаджнмуко. Как видио, ои хорошо знал, в кого посылает свою последнюю пулю. И тут уоркн, сопровождавшне Хаджнмуко, прнкончнли нашего Моса.

На некоторое время все замолчалн, словно стоялн иад телом героя.

— Да, достойный мужчнна был Мос, — задумчнво проговорнл Хатхе.

Народ все прнбывал, но только старшне заходнли в комнату, а молодежь гурьбой теснилась иа пороге раскрытой дверн — ведь нм особенно хотелось взгляиуть на знаменнтого гуазе.

Хатхе сидел против небольшого овального, ннчем не затянутого окна. Он увидел, как во двор верхом въехал юноша. Хатхе тотчас же узнал в нем того парня, который так доблестно состязался с медведем. Парень бросил посредн двора свериутую шкуру медведя, которую он привез на холке коня. Спустя некоторое время ои вошел в комнату и прнветствовал Хатхе.

[1] Уорки — бывшее мелкодворянское сословие, без владения. Уорки составляли дружину князей и высшего дворянского сословия тлекотлешей (уздеией).

— А вот и сын Моса — Анчок, — сказал старик, которого Хатхе встретил по дороге.

Хатхе внимательно посмотрел на Анчока и произнес:

— Видно, достойный мужчина из него выйдет, недаром вернулся он с медвежьей шкурой.

— Как с медвежьей шкурой? — удивились старики, которые не видели того, что увидел Хатхе в оконное отверстие.

Анчок скромно рассказал:

— Да, этот несчастный медведь повадился ходить в мою кукурузу, вот и пришлось наказать его. Сколько я ни выгонял его и чем ни пугал, он возвращался снова и портил мою кукурузу.

— Видно, ты хорошо владеешь арканом? — сказал Хатхе, пытливо всматриваясь в лицо парня.

Анчок смутился, изумленно вскинул глаза на Хатхе, но ничего не ответил. И потом, все время, пока Хатхе находился в их доме, Анчок порою вскидывал на него этот озадаченный, несколько тревожный взгляд. И видно было, что Хатхе тоже сильно заинтересовался парнем, он то и дело пристально взглядывал на него, — тепло и благожелательно. Его занимал вопрос, что побуждает этого парня скрывать свой поединок с медведем, — скромная ли застенчивость, или здесь скрыта какая-то гордая цель.

Хатхе спросил у Анчока, указывая на оружие, развешанное на стене:

— Это покойного Моса оружие?

— Да, это осталось от отца, — печально ответил Анчок. Хатхе поднялся и стал рассматривать оружие. Подбор оружия был редкостным для той поры, а высокое качество его говорило о том, что тот, кто собрал его, знал в нем толк.

— Да, это достойно настоящего мужчины, — проговорил Хатхе.

Анчок сделал шаг вперед и сказал:

— Мхамат, у меня есть к тебе одна просьба.

— Скажи, я не откажу, если в моих силах будет исполнить ее.

— Прошу тебя, выбери из этого оружия что-нибудь на память о покойном отце. В более достойные руки ему не попасть. Прошу тебя.

— Хорошо. Носить оружие Моса — это честь для любого воина. Я возьму вот этот пистолет. А тебе дарю свой, на память. Мой наряднее и больше подойдет тебе, юиоша. Из тебя, я вижу, выйдет достойный мужчииа, только коиь твой иикуда ие годится, хоть ои и красив на вид. Тебе иадо иметь хорошего коия. Вот, когда соберешься купить коия, добавь в уплату за иего эти деиьги, — Хатхе достал из кармаиа шаровар маленький вышитый мешочек с серебряиыми монетами и подал Аичоку.

В это время пришли два старика и передали Хатхе просьбу старухи — хозяйки того дома, где происходил свадебиый джегу. Старуха просила доблестиого Хатхе посетить ее торжество. Хатхе ответил, что ои в гостях и не волеи распоряжаться собой, и предложил старикам обратиться с этой просьбой к хозяйке дома. Хозяйка передала через послаица свой ответ: «Пока гость ие отведает моей пищи, я иикуда его ие отпущу, а после этого — воля его и воля старших».

— После полудия гость посетит ваш джегу, — решил старший из присутствующих.

Прерваииая беседа возобиовилась. Все зиали, что Хатхе ездил в далекую страиу и участвовал в войие русских против Наполеоиа. Ои отсутствовал около двух лет. Уже поговаривали о том, что Мхамата, верио, иет в живых. Но люди привыкли к тому, что Мхамат часто и иадолго уезжал в иеведомые края, и потому ие теряли надежды увидеть его живым. Люди верили, что Мхамат удачлив и мужествеиеи, и теперь, когда их надежда оправдалась и ои вериулся, всем хотелось послушать о далеком, иеведомом крае, где побывал Хатхе.

— Из иашей земли нижиих адыге, — рассказывал Хатхе, — туда отправилось ие так миого, больше было из Кабарды. Нас было иесколько сот всадииков. Воевали мы сиачала под водительством пши[1] Багратиоиа, а позже в отрядах иерала Давыдов Деииса. Там шла большая войиа, такой войиы и столько войска иикогда ие видала адыгская земля. Всего, что мы видели и пережили там, и за год ие расскажешь.

[1] Пши — князь.

— И все эти два года ты иа одиом коне ездил? — невольно вырвался вопрос у Анчока, которого, видно, больше всего заинмали мечты о хорошем коие.

— Да, на этом самом карем коне, — ответил ему Мхамат н понимающе улыбнулся.

— Страиа урусов необъятиа: мы верхом целый месяц ехали и только половнной их земли проехали,—продолжал Мхамат. — Народ урусов хороший народ: трудолюбнвый, незлобивый, радушный и гостепринмный. Мирный народ. Такого искусства, такого мастерства я нигде не видел, — а я немало краев объездил. Пока урус не возьмет оружия, о воинской доблести его не догадаешься. Но только начнет воевать, такая отвага, такое непреклониое мужество просыпается в нем, что ннкакому врагу не устоять. Одиажды, — мы уже тогда воевали в отрядах инерала Дениса, — мне привелось вндеть, как крестьянский пареиь-урус одии дрался с конным отрядом франков. Они напали на него и хотели отнять свиней. Парень набросился на одного франка, стащил его с коня, сам сел на его коня и, завладев мечом франка, начал рубать противиика. Когда мы подоспели к месту схваткн, этот парень, в невзрачиой одежде, на роскошно убранном коне, как разъяренный лев, иосился между вражескими всадиками и разил их. Если бы мы во-время не подоспели, парень, разумеется, погиб бы. Но в тот момент ои ие думал о смертн. Потом этот парень присоединился к иашему отряду, и мы все время дивились его храбрости. Доблестный был воин. Я с ним крепко подружился. И несколько раз он спасал меия от верной смертн. Но бедный погиб, храбро сражаясь. Да-а... нитересный народ урусы, красивый народ: белокожие, волосы светлые, а глаза цвета неба... Народ-богатырь: разгромил и прогнал нз своей земли невидаино большое объединенное войско страи захода солнца.

Хатхе рассказывал спокойно, и перед слушателями быстро проносились картины виденного и пережитого нм. А сам он задумчиво-мечтательным взором словно смотрел туда, в непостижимую ширь русской земли и, казалось, не видел окружающих его людей.

Непонятен был соплеменникам этот необычиый человек Хатхе Мхамат. И никто так и не узиал, куда устремлен был его мечтательный взор, о чем тосковало его

сердце, в какие неведомые края и к каким приключениям рвалась его неуемная любознательная душа. Необыкновенна была страсть Хатхе к путешествиям, редко бывало, чтобы год подряд жил он спокойно дома. Никто не мог проникнуть в тайну его сердца. Недаром люди сплетали вокруг него венки из легенд. Воины, бывавшие в походах под водительством Хатхе Мхамата, рассказывали, что по ночам во время похода Хатхе всегда ехал впереди чуть поодаль от отряда и будто видели люди, как что-то белое двигалось рядом с его конем. И когда он, как вот сейчас, мирно и задумчиво беседовал с людьми, — его мечтательный взор, устремленный в неведомое, казалось, также отделял Хатхе от собеседников. Кто знает, кем стал бы Хатхе Мхамат, родись он там, где уже сложилось могучее государство. Может, стал бы он ненасытно любознательным путешественником, открывателем новых земель.

Анчок, как зачарованный, не сводил глаз с Мхамата.

После того, как гости отведали угощения хозяйки, Хатхе в сопровождении стариков отправился на джегу, куда его так настойчиво приглашали. Окруженный стариками и беседуя с ними, Мхамат ни на минуту не оставлял без внимания молодого Анчока. Он то и дело подзывал юношу, спрашивал его о чем-нибудь или просто брал его за локоть и держал около себя. Казалось, между ними протянулись нити взаимной приязни.

И придя на джегу, Мхамат взял Анчока за руку и, ласково положив руку ему на плечо, поставил возле себя.

Среди девушек, стоявших полукругом, Хатхе сразу заметил одну. Были тут девушки красивее, и все же она выделялась среди всех. Матово-смуглое, чуть крупноватое лицо, осененное высоким чистым лбом, выражение необыкновенной резвости ума в больших темных глазах, которые, при всей их застенчивой робости, глядели снисходительно и озорно-смешливо,—все это делало ее приметной.

Хатхе спросил у Анчока: «Кто эта девушка?» Юноша смутился, не сразу нашелся, что ответить, и бессвязно пролепетал: «Это соседка наша...» За Анчока ответил старик, стоявший рядом:

— Это — Гулез, дочь соседей Моса. Покойный Мос любил ее, как родную дочь, и она сама была привязана

к нему больше, чем к родному отцу. Очень хорошая девушка...

Хатхе заметил, как смутился и растерялся Анчок. И Хатхе захотелось оказать внимание девушке, к которой, он видел, так неравнодушен был его юный друг. Он подозвал джегуако[1] и попросил его пригласить девушку на танец. Гулез вышла из полукруга, сбросила высокие деревянные башмаки и в тонких сафьяновых чувячках последовала за Хатхе.

Хатхе танцевал немного, только для того, чтобы показать, что он разделяет радость дома, куда его пригласили. Окончив танец, он проводил девушку на то место, где стояли ее деревянные башмаки. Гулез, чтобы не повернуться спиною к гостю, отступала вспять, а он в медленном ритме следовал за нею. Гулез остановилась около башмаков и едва уловимым кивком головы поблагодарила Хатхе. Он ответил ей тем же и произнес во всеуслышание:

— Ты достойна самых лучших похвал, красавица!

Гулез застенчиво улыбнулась и скромно ответила:

— Похвала Хатхе Мхамата и недостойную сделает достойной.

Хатхе был удивлен ее находчивым ответом. С минуту он внимательно разглядывал девушку, а затем с улыбкой сказал:

— Я рад, что не ошибся, похвалив тебя! Будь счастлива!

У адыге высоко ценят умное слово и не случайно само «слово» — «псатль» означает по-адыгски «выражение души». Ответ Гулез очень понравился всем присутствующим. С достойной скромностью выразила Гулез всеобщее уважение к Хатхе. Вскоре весь аул уже знал об остроумном ответе Гулез.

Хатхе недолго пробыл на джегу. В сопровождении стариков он вернулся в дом Анчока и тотчас же уехал. Несколько верховых провожали его далеко за черту аула.

---

[1] Джегуако — народный артист, скоморох, распоряжающийся порядком на джегу.

А вечером, когда свадебное торжество окончилось, весь джегу, во главе со стариками и с музыкантами-камылнстами впереди, проводил Гулез домой, как девушку, признанную самой достойной в ауле.

II

Гулез и Анчок росли вместе. Так обычно растут соседские дети. Трудно объяснить, почему их сердца так тянулись друг к другу, но с самого раннего детства крепкая дружба связала их. Может быть, этому причиной был Мос, покойный отец Анчока. Он очень любил эту смуглолицую, худенькую, ласковую и привлекательную соседскую девочку, которая по нескольку раз в день прибегала к ним. Следуя обычаю адыгских мужей не проявлять нежных чувств к своим детям, Мос держал сына в чрезвычайной строгости. Зато он не скупился на ласки этой полюбившейся ему чужой девочке. И девочка привязалась к дяде Мосу больше, чем к родному отцу, который проявлял к ней такую же суровость, как и Мос к своему сыну. К тому же Гулез в доме Моса угощали такими сластями, каких она никогда не видела у себя дома. Да и вряд ли такие кушанья можно было найти во всем ауле. Мос был не только отважный воин, но он был также разумный и прилежный хозяин. У него была богатая пасека и лучший в ауле сад. Предприимчивый и смелый, он не продавал продукты торговцам-скупщикам, а сам возил их на берег моря, в Анапу, Геленджик или Цемесскую[1] бухту. Это был тяжелый и опасный путь. По дороге путников подстерегали тугуруги—налетчики, грабители, они не только грабили, но и уводили людей, чтобы продать их в рабство. Мос собирал несколько решительных соседей и верхом, вооруженный, конвоировал этот маленький караван крестьянских арб. Его спутники потом рассказывали про случаи, когда на них нападали в пути и Мос проявлял бесстрашие и воинскую доблесть. После таких приключений многие навсегда отказывались ездить с Мосом, но сам он каждый год снова и снова пускался в это опасное путешествие,

[1] Цемесс — там, где ныне город Новороссийск.

часто без особой надобности, и, казалось, опасности в пути не только не пугали его, но привлекали.

Мос мог бы заняться широкой торговлей и немало выгоды извлечь из этих поездок. Но он был истинным адыгейцем-крестьянином. У него было щедрое сердце и он всегда готов был делиться всем с нуждающимися. «Чтобы торговцем быть,—часто говорил он,—надо иметь волчье сердце». Мос даже избегал отправляться в путь вместе с людьми, которые занимались торговлей и обирали крестьян. А свое мужество и непревзойденную доблесть наездника он никогда не проявлял вместе с налетчиками, которые занимались конокрадством, грабежом и работорговлей.

Зато Мос готов был не щадить себя всегда, когда нужно было заступиться за мирных крестьян и помочь им в борьбе против уорков и других хищников: Мос был один из тех славных адыгских мужей, которые в самоотверженном единоборстве хоть немного сдерживали произвол насильников. А когда волны народного гнева поднимали крестьян на борьбу, такие люди возглавляли восставших.

Из своих поездок на берег Мос привозил новые, невиданные в их ауле виды плодовых деревьев. Он любил хорошее оружие и у него был богатый подбор его.

Из каждой такой поездки Мос, разумеется, привозил подарки сыну и черноглазой Гулез. У этой девочки был такой чудесный, лишенный всякой жадности и зависти нрав, что Мосу самому отрадно было доставлять ей радость. Гулез, завидев Моса, бросалась к нему в объятия, а при взгляде на подарки хватала ручонками свои зардевшиеся от восторга щеки и лепетала: «Ой, дядя Мос!..» Но как бы ни восхищали Гулез подарки, она тут же с радостным оживлением начинала добросовестно делить их со своим маленьким другом Анчоком. Анчок при этом, обычно, стоял в стороне, подтянутый и почтительный. Как истинный маленький адыгеец, он со своей стороны тоже никогда не показывал своих чувств к отцу.

Мос своей лаской как бы скреплял дружеский союз детских сердец. И постепенно Анчок, который был несколько старше Гулез, превратился в ее самого преданного и услужливого покровителя. Анчок был смирен и

робок только в присутствии отца, а по природе своей он был безудержным шалуном, самым предпрнимчивым во всех играх, и являлся признанным главарем всей ватаги окрестных детей. Поэтому ему нетрудно было оберегать свою подружку от всяческих обид. Следуя примеру отца, он тоже всячески баловал ее. Например, когда ребята ходили за ягодами, в корзиночке Гулез всегда оказывались самые крупные и сочные ягоды. И у себя в саду срывал для нее Анчок с недосягаемых макушек деревьев самые большие и красивые плоды. Когда созревал виноград, он влезал на верхушки высоченных дубов и срезал для нее самые крупные гроздья-первоспелки. Гулез неизменно принимала все это с неописуемым восторгом. В довершение ко всем достоинствам прелестного нрава маленькой Гулез, у нее была необыкновенная способность долго хранить в душе пережитую радость. Часами просиживала она, складывая и перекладывая полученные в подарок фрукты и безделушки, мурлыкала про себя песенку, то и дело восхищаясь вслух. И маленький Анчок тоже подсаживался возле нее и старался понять, какое удовольствие можно получать от такого занятия. Он наблюдал за ней недоуменно и даже несколько насмешливо, но и ему было хорошо от того, что она так радовалась.

Первое слово верности они сказали друг другу на следующий день после Бзиюкской битвы, когда пришло в аул известие о гибели Моса. Позабытые взрослыми, которым было не до них, и предоставленные своему горю, дети забрались в самый глухой угол сада и проплакали весь день. К вечеру Анчоку надо было уговорить безутешную Гулез, чтобы она перестала рыдать. Она подняла распухшие, красные глаза, внимательно посмотрела на Анчока и, захлебываясь слезами, серьезно проговорила:

— Мы с тобой, Анчок, никогда, никогда не расстанемся, я всю жизнь буду тебе доброй сестрой.

Дети долго не могли оправиться от этого страшного горя. Печаль и тоска отныне крепко вплелись в их жизнь и еще сильнее скрепили их привязанность друг к другу. Но теперь эта привязанность превратилась в замкнутую, молчаливую и болезненно-чуткую предан-

ность. Беспечное, шумное детское веселье навсегда ушло от них.

Проходило время, но боль в их сердцах не проходила. И несколько лет спустя, — то ли им попадалась какая-нибудь вещь Моса, или они приходили на место, где покойный любил сидеть, или подносили ко рту особо ароматный и вкусный плод, какими часто их баловал Мос, — они, словно от острого укола, застывали на месте, быстро взглядывали друг на друга и глаза их наполнялись слезами. Чаще всего это случалось с Гулез, ее нежное сердце страдало за двоих — за себя и за осиротевшего дружка. Внимательно, теперь уже по-взрослому, наблюдая жизнь собственной семьи, она начинала постигать все обаяние покойного Моса, все величие его души. У себя дома она видела суматошный, неумелый и неуклюжий труд — нелюбимый труд. При множестве скота — алчная жажда к накоплению, постоянные мелочные ссоры между братьями и серое убожество всего уклада жизни. И чем больше понимала она это, тем острее чувствовала тяжесть ее и Аичока утраты. И когда она приходила в домик Аичока, в ее воспоминаниях оживал Мос со светлой улыбкой во взгляде и всегда такой ласковый, словно сердце его было неиссякаемым источником тепла и доброты. Таким он был и в труде и на досуге. Вспоминая его, Гулез понимала, что Мос тоже много трудился, трудился не покладая рук. Но тогда, в детстве, она не замечала этого, потому что и работу свою по двору он умел превращать в чудесную занимательную забаву для детей. Ни криков, ни свар, ни оголтелой суеты никогда не было в доме Моса. Он жил спокойной и размеренной трудовой жизнью, стойко ограждая детей и близких от суровых невзгод тогдашней жизни, и светлая улыбка не сходила с его губ.

Не только в борьбе с нуждой, но и в беде Моса никогда не покидала мужественная выдержка. Гулез не помнила, чтобы лицо Моса было когда-нибудь искажено злобой или страхом, что ей подчас приходилось видеть на лицах своих братьев.

Особенно запомнился маленькой Гулез один тревожный день. В те времена люди в ауле жили в постоянном ожидании беды. Чаще всего случалось, что на аул нападала небольшая группа всадников-уорков, которые

угоняли скот, а зачастую даже и людей. И вот однажды, когда Мос во дворе обтесывал колья, а Гулез и Анчок вертелись возле, наперегонки подавая ему нужные куски дерева, прибежал парень и, задыхаясь, выкрикнул: «Уорки напали на наших в поле! Угнали волов и людей!»

О, как грозно выпрямился тогда дядя Мос, каким неузнаваемо суровым сделалось его лицо! Гулез показалось, что он вдруг из обычного дяди Моса превратился в какого-то чужого, недосягаемо большого и страшно сильного. Это напугало Гулез больше, чем даже известие, принесенное парнем,—она не совсем понимала, что все это значит. Но Мос тотчас же спохватился, взглянул на испуганных детей и обычным своим ласковым голосом сказал им:

— А вы, крошки золотые, побудьте пока в доме с матерью. Вернусь, тогда докончим работу.

Но дети не захотели итти в дом. Они чувствовали, что случилась какая-то беда. Попрежнему испуганные, неподвижно стояли они в сторонке, пока Мос торопливо седлал коня. Потом вскочил на него, и конь стремительно вынес его со двора. За спиною Моса торчало длинное ружье в бурочном чехле. Выезжая из ворот, он еще раз обратился к детям: «Ну, милые мои, идите в дом. Будьте послушны», — и прибавил, обращаясь к жене: — «Мать, возьми их».

Но ни дети, ни мать не пошли в дом. Мать Анчока, крепко держа детей за руки, бродила с ними по двору и не находила себе места. Прислушиваясь к шуму, который поднялся в ауле, она молчала, молчали и дети. Отовсюду доносился тревожный говор и плач женщин. Вслед за Мосом из аула выехало еще несколько всадников.

Наконец где-то раздался крик радости, и словно вздох облегчения прошел по аулу. Вскоре к аулу подъехало несколько арб. Толпа с плачем и криками радости бежала им навстречу. А Мос вернулся только к вечеру. Он привел с собою двух оседланных коней. Потом в дом к Мосу пришла престарелая женщина, она обнимала Моса, гладила его высохшими руками и благодарила, называя спасителем, а Мос смущенно и растроганно уклонялся от проявлений ее благодарности.

Но самое главное для Анчока и Гулез было то, что вместе с Мосом для них возвратились тогда свет и радость. Похоже было, что и сам Мос больше всего радовался возвращению к детям: проводив старуху, он облегченно вздохнул и, как ни в чем не бывало, обратился к Анчоку и Гулез:

— Ну, крошки мои, обтесать колья мы успеем завтра, — говорил он, снимая с себя доспехи, — сегодня уже поздно. А сейчас давайте немного поедим, если мать приготовила нам что-нибудь вкусное. Что? Ничего не готово? Что ж, бывает и так... — добродушно улыбнулся он и ласково взглянул на жену. Та все еще не могла притти в себя и почтительно стояла в стороне, не сводя с мужа неотрывного горестного взгляда. — Ну, что ж, тогда у меня найдется ломоть светлого и красивого меда. Такого белого меда вы еще никогда не едали. Я его припрятал для Черноглазой за то, что она сегодня мне так усердно помогала...

Но тут снова пришли люди и прервали их разговор. И все время, пока Мос беседовал с этими людьми, Гулез не отходила от него, негодуя в душе, что они помешали им.

Теперь, когда эти воспоминания приходили к Гулез, спазмы горя сжимали ей горло и слезы невольно заволакивали глаза.

Смерть Моса пробудила сознание детей,—они вдруг как бы повзрослели и увидали окружающий мир совсем в ином свете. Потеряв Моса, они внезапно лишились всех сказочных иллюзий детства. Их обступила жестокая беспросветная действительность, где всякая радость отравлена была безвыходной нуждой и постоянным страхом перед неведомым несчастьем, а матери прижимали к своей груди детей только лишь с криком ужаса, в страхе за жизнь, а в остальное время им было не до детей.

И вот пришла пора, когда Анчок стал замечать, что Гулез всех красивее и для него нет никого милее во всем свете, а Гулез под его пытливым взглядом, вся зардевшись, опускала глаза. Встречаясь, они уже не могли, как раньше, непринужденно болтать, они пугались и смущались того нового, что возникало между ними. Теперь при встречах они или неловко, напряженно молча-

ли, или рассеянно говорили о чем угодно, только не о том, что томило их души.

Так прошло некоторое время, пока они разбирались в своих новых переживаниях. А когда чувство их вступило в свои права и завладело ими настолько, что они непреодолимо потянулись друг к другу, запрет адата лег между ними и прекратил их свободные встречи. Теперь им уже невозможно было остаться наедине, чтобы раскрыть друг перед другом свои сердца. Увидеть Гулез Анчок теперь мог, только придя к ним домой. Но и там нельзя было поговорить по душам, ни минуты им не удавалось быть наедине. Бессознательно и без всяких к тому оснований Анчок за все эти преграды обвинил Гулез. Так возникла нелепая и долгая размолвка. Конечно, оба они переносили ее тяжело. Но эта размолвка придала им смелости, и они решились сказать друг другу то, на что так долго не решались.

Как-то ранней весной Анчок работал в саду. Он все время старался быть поближе к плетню, который отгораживал его двор от соседнего двора, где жила семья Гулез. Угрюмый, подавленный, Анчок часто бросал тоскливый взгляд по ту сторону плетня. Там было безлюдно, — это случалось очень редко, обычно на соседском дворе всегда было оживленно, шумно и многолюдно. Видно, братьев Гулез не было дома. Вдруг Анчок увидел Гулез, которая быстро шла в его сторону. В одно мгновенье он был у плетня.

— Анчок, души моей доля, — срывающимся голосом торопливо проговорила Гулез, подойдя к плетню, — почему ты перестал ходить к нам? Или ты в обиде на нас? За что?

— Если бы я был долей души твоей... — хотел было заупрямиться в своей обиде Анчок, но, взглянув на бледную и трепещущую Гулез, он увидел в глазах ее страдание и укор и осекся. — Я не нахожу себе места... обидно мне... — пролепетел он тихо и жалобно.

В этот момент за домом послышались женские голоса, и Гулез торопливо высказала ему то, на что так долго не могла решиться.

— Сердце и душа моя навсегда твои, а уж добыть меня самое — это твое дело, — сказала она и поспешно

отошла прочь, оставив Анчока оторопевшим от счастья и восторга.

А вскоре после этого состоялся тот знаменательный для Гулез свадебный джегу, на котором присутствовал Хатхе Мхамат.

Исстари так повелось у адыге: людская молва выделяла какую-либо девушку, восхваляя ее достоинства и создавая ей громкую славу. И если девушка была умна и оказывалась на высоте положения, слава о ней разносилась далеко за пределы края и облетала земли других племен. Всякий мужчина того времени, претендующий на мужество, доблесть и достоинство, жил ли он в этом ауле или проезжал мимо него, считал своим долгом посетить знаменитую девушку. В гостевой комнате такой девушки встречались лучшие мужи того времени, приезжавшие зачастую с самых отдаленных окраин. Здесь в беседах и спорах испытывалась острота ума, оценивались достоинства людей, и суждения, выносимые здесь, с быстротой звука летели по всей адыгейской земле. От имени такой девушки народные поэты слагали хвалебные или бичующие песни, сила воздействия которых равнялась силе общественного приговора. Гостевые комнаты таких девиц становились настоящими судилищами, где воздавалось должное доблести и трусости, достоинствам и порокам, присущим людям того времени. И главным судьей в этом судилище была сама девушка. Поэтому почетна, но нелегка была ее доля.

После высокой похвалы Хатхе Мхамат-гуазе такая слава выпала и на долю Гулез. Разумеется, это не было случайностью. И до этого все в ауле знали Гулез как умную и славную девушку, да еще, что особенно ценилось у адыге, за ней давно утвердилась слава непревзойденной рукодельницы. Как и сама она выделялась красотой среди девиц аула, так и вещь, сшитая рукою Гулез, выделялась изяществом. И с тех пор, как Гулез прославилась далеко за пределами своего края, каждый мужчина, удостоившийся носить вещь, вышедшую из-под ее иглы, гордился этим, как знаком отличия. Да так оно и получалось: вещь, сшитая рукой Гулез, являлась верной приметой высоких достоинств человека, носившего ее, потому что Гулез, следуя духу своего народа, удостаи-

вала своими подарками не родовитость и богатство, а мужество и человеческое достоинство.

Особую привлекательность придавало Гулез то, что острый ум ее сочетался с обаятельным, скромным и мягким нравом. Она не кичилась своей славой, а, скорее, тяготилась ею, и потому скромность ее была полна искренности. У Гулез была своя затаенная причина, мешавшая ей упиваться славой и без оглядки кружиться в обманчивом водовороте лести и поклонения.

Гулез родилась в довольно зажиточной, по тогдашнему времени, крестьянской семье и была единственной сестрой шести братьев. Поэтому все чаяния семьи породниться с сильным и богатым родом были сосредоточены на единственной дочери. В те времена такие родственные связи имели большое значение для самозащиты семьи. Кровное или договорное братство было широко распространено, особенно у шапсугов. Оно-то и помогало шапсугским крестьянам в их борьбе с уорками, пытавшимися поработить свободных крестьян-тфокотлей[1].

Это стремление родителей повыгодней устроить замужество дочери было для Гулез источником непрестанных тайных тревог, потому что оно угрожало стать поперек стремления ее сердца.

После гибели Моса усадьба его без заботливой руки хозяина опустела, скот перевелся, а двор, не попираемый копытами, порос сочной, густой травою. Жители аула, чтя память героя Бзиюко, всячески старались помогать его семье: каждую весну крестьяне, пока не подрос Аичок, из сообща вспахиваемой земли[2] выделяли надел и для семьи Моса. Случалось, кто-либо из бывших друзей Моса дарил семье покойного корову или телка, но без мужской руки скотина ко двору как-то не приживалась. Сохранились только сад и пчельник — то, что под силу было обработать самой вдове Моса.

---

[1] **Тфокотль** — не закрепощенное еще крестьянское сословие, находившееся в податной зависимости от феодалов.

[2] В то время адыге совместно всем аулом, общиной пахали нужное количество земли и делили готовую пахоту. Причем делили не на семью и не на количество душ, а на число быков, пахавших от каждой семьи. Это была одна из форм эксплоатации бедных богатыми.

Умная и скромная мать растила в тиши опустевшего двора своего единственного сына. Лишь в последние годы, когда Анчок немного подрос, двор их начал оживать.

Семья Гулез хранила исконное добрососедство с обедневшей семьей покойного Моса. Но когда братья стали подозревать сердечную склонность Гулез к Анчоку, их отношение к соседям резко изменилось. Дружбой Гулез и Анчока особенно возмущен был один из средних братьев — Камбулет.

С некоторых пор Камбулет занялся наездничеством, связался с уорками и стал вести разгульный, хищнический образ жизни. Подобно уоркам, он занялся грабежом, воровством скота и конокрадством. Грубый, жестокий, не в меру честолюбивый, он стал одержим стремлением связать родственными узами свою семью с богатым и знатным родом. Постепенно он захватил главенство во всех семейных делах, подчинил своему влиянию братьев, простых и наивных работящих парней, и стал соблазнять их призраками знатности и дворянского звания. Сам он стал стыдиться своего крестьянского звания тфокотля и именовал себя не иначе как уорком. Того же требовал он и от своих братьев. Вот этот Камбулет и стал требовать, чтобы Гулез перестала водиться с Анчоком, с этим «нищим парнем», как он называл его.

Когда Гулез прославилась и семья ее оказалась в водовороте всеобщего почета, Камбулет совсем возгордился и даже запретил Гулез посещать мать Анчока, к которой девушка с детства была привязана больше, чем к родной матери. Родители Гулез первое время не одобряли этой измены давнему добрососедству с семьей погибшего соседа, память о котором так почиталась в ауле. Но мало-помалу они стали уступать деспотичному Камбулету.

Анчок, заметив недоброжелательство семьи Гулез, перенес свою обиду и на любимую девушку. Он даже усомнился в искренности ее мимолетного признания у плетня и вовсе перестал показываться у них дома.

Бедная Гулез в отчаянии металась между нападками братьев и молчаливым укором обиженного Анчока. К тому же, бороться за свое счастье ей мешали бесконеч-

ные посетители, которые отнимали у нее все время. И все же она сумела устроить встречу с Анчоком: сказав, что ей надо срочно закончить обещанное кому-то шитье, а для этого ей необходима помощь, она скрылась у своей подруги от родителей и посетителей, а подруга ее позвала туда Анчока.

Анчок явился обиженно-насупленный и настороженно-колкий. Гулез, завидев его, кинулась было к нему навстречу, но вдруг остановилась посреди комнаты и, схватив себя обеими руками за щеки, как это она делала в детстве, рассматривая восхитительные подарки дяди Моса, воскликнула:

— О, Анчок... — глаза ее, устремленные на Анчока, пытливые и любящие, заволоклись слезами.

Анчок не вымолвил ни слова. Он стоял молча и недоверчиво, но с нескрываемым восхищением вглядывался в ее милое лицо.

— Несчастная я: если бы жив был Мос, не пришлось бы мне столько страдать... — тихо и горестно добавила Гулез, отошла к изголовью кровати и расплакалась неудержимо и горько.

Вот уж против этого Анчок не мог устоять. Еще когда он был совсем мал, слезы в этих глазах, всегда светившихся ласковой улыбкой, казались ему противоестественны и плач девочки каждый раз глубоко потрясал его. И сейчас, позабыв о своих обидах и о жестоких словах укора, которые он с таким старанием придумал, он стоял все на том же месте и беспомощно мял пальцами полу своей черкески. Наконец Анчок пролепетал:

— Чем же виноват я? И мне не легче, чем тебе. Если бы я захотел выплакать страдание моего сердца, весь свет огласил бы рыданиями.

Гулез подняла на него заплаканное лицо и с укоризной сказала:

— Я верю тебе, а вот ты не веришь мне и этим причиняешь самую большую боль моему сердцу. В этом твоя вина. Мне и так нелегко защищать наше счастье и от моей семьи и от всего света. А ты своей глупой обидчивостью мешаешь мне...

— Садись же, Анчок, проходи сюда, — догадалась, наконец, подруга и усадила его.

— Ты думаешь, — продолжала Гулез, — что я настолько упоена своей славой, что решила отвернуться от тебя? Ты не знаешь цены этой славе, — она больше нужна людям, чем мне самой. Я похожа на жертву Ахуна[1], которая сама идет к месту заклания, где ее свяжут и зарежут. Но пусть только несчастной жертве вздумается свернуть с тропы Ахуна, — сколько проклятий посыпется на бедное животное! То же будет и со мною: меня чтут и возносят, пока я покорна адату. Но вздумай я поступить согласно велению своего сердца,— меня с бешенством растерзают и растопчут.

— Скажи, что же мне делать? Я не пожалею жизни, чтобы сделать тебя счастливой! — с горячностью воскликнул Анчок. — Если ты любишь меня, убежим вместе куда-нибудь из нашего края.

— Нет, — после минутного раздумья возразила Гулез. — У других племен тфокотлям вовсе нет житья. Жить чужими среди чужих, без единой родной души — разве это жизнь! Да к тому же нам нигде не скрыться от кровавой мести жестокого моего брата Камбулета. У него везде связи с извергами-уорками, он нас всюду разыщет. Я уже думала об этом.

— Значит, у нас нет выхода?—резко спросил Анчок. Ему показалось, что Гулез хочет убедить его в том, что счастье их невозможно. «К чему клонит она?» — подумал он.

— Нет, выход есть, душа моя, — убежденно сказала Гулез. Она вытерла слезы, деловито села рядом с ним на длинную скамью, взяла его руку и, нежно поглаживая ее, проговорила умоляюще: — Свет мой, все зависит от тебя: ты должен стать таким знаменитым и отважным мужчиной, чтобы никто не мог не считаться с тобой, чтобы все боялись твоего гнева. Вот тогда ты сможешь постоять за наше счастье.

И она начала во всех подробностях рассказывать Анчоку, что и как надо делать, чтобы осуществить ее замысел. Только теперь понял Анчок смысл ее слов «а

---

[1] А х у н — бог домашних животных. По поверию адыге языческого периода, ко дню жертвоприношения Ахуну одна корова выходила из стада и сама по тропе Ахуна шла на место жертвоприношения на Ахун-горе.

добыть меня — это твое дело», которые так торопливо сказала Гулез у плетня. Значит, она еще тогда думала об этом и ее сердце всегда стремилось к нему, Анчоку. Как неправ был он в своих подозрениях и обидах!

Анчок был счастлив, что все его подозрения оказались ошибочны. И, разумеется, он не задумываясь принял план действий Гулез. Теперь, когда к нему вернулась уверенность в ее преданности, для него не было ничего недостижимого. С той легкостью, с какой дети в своих играх воображают себя храбрыми героями и сказочными великанами, Анчок уже видел себя отважным и суровым мужчиной, перед которым все трепещут, — в том числе, конечно, и Камбулет...

Так снова помирились Гулез и Анчок. Они уверили друг друга, что счастье для них возможно. Лица их снова просветлели. В самом радужном настроении они тут же поклялись: верить друг другу и не поддаваться никаким наветам.

III

Как-то ранней весной в аул, к шапсугскому уорку Шеотлуко, приехал в гости молодой княжич Джанчерий Болотоков, сын темиргоевского князя.

Приезд княжича вызвал много толков. Прошло уже пятнадцать лет после Бзиюкской битвы, а шапсуги не могли простить бжедугским князьям этого побоища, в котором полегло так много людей. Вражда к князьям с неугаснмой силой жила в сердцах шапсугов. И, зная, что князь, какого бы племени он ни был, одной породы с бжедугскими князьями, — шапсуги встретили темиргоевского княжича с глухой враждебностью. В этом приезде крестьяне усматривали намерение шапсугских уорков снова установить связи с князьями и дворянами других адыгских племен и, заручившись их поддержкой, укрепить свое положение среди шапсугов.

И то, что княжич приехал в гости именно к уорку Шеотлуко, подтверждало их подозрения. Шеотлуко и до этого возбуждал недовольство аула. Он был из тех шапсугов, которые, подобно брату Гулез Камбулету, вели уоркский, хищнический образ жизни, занимались наезд-

ничеством, грабежами и, втайне от своих единоплеменников—шапсугов, работорговлей. Из-за Шеотлуко у аула неоднократно были неприятности с соседями. Ходили даже слухи, будто Шеотлуко похитил из соседнего шапсугского аула девочку и продал ее в рабство. Крестьяне чувствовали, что тот, кто гостит у такого темного человека, как Шеотлуко, должен иметь с ним такие же темные дела

Глухим ропотом встретил аул приезд княжича. Ни почестей, подобающих его княжескому роду, ни радушного адыгского гостеприимства не встретил у шапсугов молодой Болотоков. Даже семьи с уоркскими замашками, каких было несколько в ауле, опасаясь взрыва недовольства односельчан, не решались проявлять свое подобострастие перед княжичем.

Окруженный угрюмым и настороженным недружелюбием, нежелательный гость проводил время без всякого почета и блеска.

Но странно было то, что самого гостя такое отношение, казалось, нисколько не трогало. Он вел себя так, словно не замечал этой молчаливой враждебности. Поведение княжича еще более подогревало подозрения шапсугов и порождало всякие догадки: «Зачем он приехал к нам в гости, если ему так безразлично наше отношение к нему? — говорили между собой крестьяне. — Какова цель его приезда?»

Но, проявляя такую неприязнь к самому княжичу, все восхищались его доспехами и конем. Особую зависть вызывал его конь — в ауле только и разговоров было, что о стати и достоинствах жеребца молодого Болотокова. Уже всем было известно, что жеребец этот родом из Арабистана, что куплен он в Стамбуле за невероятную цену и привезен морем на турецком судне.

Прошла неделя после приезда гостя в аул, когда к Гулез прислали парня с известием о том, что гость Болотоков хочет посетить ее гостевую. А через некоторое время явился и сам Джанчерий Болотоков в сопровождении Шеотлуко и двух своих уорков.

Гулез ожидала этого посещения. Как правило, никто из побывавших в их ауле не уезжал, не посетив ее. А так как это был не обычный гость и Гулез знала о всеобщей ненависти шапсугов к князьям, она особенно гото-

вилась к этому посещению. Гулез даже посоветовалась с несколькими стариками о том, как должно ей вести себя при княжиче. Когда Гулез услышала о том, что гость сейчас явится к ней, она попросила находившихся в ее гостевой односельчан не уходить и пригласила к себе еще двух пожилых людей.

В гостевой комнате Гулез стояла большая деревянная кровать с высоким вогнутым изголовьем, украшенным резьбой. Постель на кровати была прибрана и сложена к стене. Вдоль стен стояли два неширокиx, грубосколоченных деревянных дивана. Очаг, в котором зимой разводили огонь, сейчас, с наступлением весны, был чисто выметен и обмазан глиной. Из сквозной широкой трубы дымохода падал бледный, словно лунный, дневной свет. Помимо этого, комната освещалась матово-желтым тусклым светом, проникавшим сквозь два овальных оконных проема, затянутых бычьим пузырем. На стене был прибит огромный олений рог, на котором висели отдельные части сбруи и кое-какие принадлежности шорного ремесла. Над кроватью видны были вышитые золотистыми нитями вешалки для полотенец. Других украшений в комнате не было.

Когда гость вошел, все находившиеся в комнате поднялись ему навстречу. Гулез была в платье из пестрого, плотного иноземного шелка, с позолоченными серебряными пуговицами на груди; на голове ее — расшитая золотом шапочка в виде шлема. Она стояла на высоких деревянных башмаках-ходульках, отделанных красным сафьяном, расшитым узорами, и обутых поверх тонких, тоже сафьяновых чувяк. Сделав навстречу гостю несколько шагов, она остановилась, не сходя, однако, с ходулек, как это полагалось при особо почетном госте.

Князь подошел к старшему из присутствующих и поздоровался с ним за руку, а затем так же поздоровался с Гулез. Остальным он беглым взмахом руки отдал общий салям и стал посреди комнаты, ожидая приглашения сесть.

Старший предложил гостю занять почетное место, указав на изголовье кровати.

— Садись; хоть и князь, а все же гость...

Князь минутку подумал и ответил:

— Глупо было бы пытаться установить свои законы в чужом краю. Я хоть и гость, а молод, и вы не допустите, чтоб я совершил то, что, по вашим обычаям, неприлично. Садись ты, старший, на почетное место, а я могу и здесь посидеть.

Князь произнес это пренебрежительно, явно издеваясь над неучтивостью шапсугов по отношению к нему, князю, и прикрывая свое презрение развязной шутливостью. На его лице кривилась еле заметная презрительная усмешка.

— Да, это верно. Попытки установить свои законы в чужом крае всегда кончались плохо. Однако князья все же не могут отказаться от этих попыток... — ответил старший, намекая на Бзиюкскую битву.

— Что ж, хоть я сам ни в чем и не повинен, все же придется мне понести кару за деяние себе подобных, — криво усмехнулся Болотоков.

Среди адыгских князей, — жестоких, заносчивых и деспотичных, — Болотоковы выделялись лицемерной изворотливостью и коварством. Они умели подольститься к соседним князьям и для вида поддерживать с ними наилучшие добрососедские отношения, что, однако, не мешало им тайно подводить вражеские войска к аулам этих князей. Они умели ладить с выдающимися людьми Абадзехии и Шапсугии, не признающими княжеской власти, умели в своих интересах воспользоваться влиянием этих людей среди своих крестьян, но это не мешало им быть самыми заклятыми врагами абадзехов и шапсугов и плести вокруг них коварные интриги.

И сейчас этот молодой отпрыск князей Болотоковых выказывал здесь, в чужом, враждебном к нему крае шапсугов, недюжинную, унаследованную от родителей, изворотливость. Он всей душой ненавидел этих гордых тфокотлей и вежливо им улыбался; в душе у него клокотала злоба на их неучтивость к его княжеской чести, но он делал вид, что не замечает ее и что неучтивость эта ему совершенно безразлична. Он произносил вежливые слова, а глаза его отнюдь не выражали вежливости: они нагло, с явной издевкой вонзались в собеседника.

Он сел на длинный дубовый диван, после чего присели и старшие из присутствующих

— Прекрасная Гулез, твоя слава не дает покоя даже людям из далеких краев. Но, как ни красит тебя молва, в действительности ты еще прекраснее, хотя и ленишься сойти с своих деревянных башмаков, — все с той же кривой усмешкой, намекая на ее неучтивость, обратился князь к Гулез. Его лицо и вся его фигура ни одной черточкой не выражали искреннего движения сердца или хотя бы молодого волнения. Разительно непохож он был на простых людей, его окружавших. Их лица открыто выражали суровую враждебность к нему и мужественное, уверенное в себе спокойствие людей с чистой совестью.

Одеянием своим он также не походил на присутствующих. На нем была черкеска из тонкого заморского сукна, на голове маленькая каракулевая шапка, необычно сшитая — с плоским верхом, отчего его маленькая острая голова казалась еще меньше и напоминала змеиную. Черкеска и бешмет тесно облегали его фигуру, и вся она, как бы облизанная и обточенная, резко выделялась среди косматых фигур шапсугов, в барашковых папахах, мохнатых войлочных куртках или в черкесках, сшитых из грубого домотканного сукна, в обуви из воловьей кожи.

Гулез поняла намек княжича на ее непочтительность к княжескому роду и ответила сдержанно и вежливо:

— Я, ничтожное существо, лишь соблюдаю законы своего народа. Народ шапсугов ставит человеческое достоинство выше княжеского.

— А ты сама как бы поступила? Что подсказывает тебе твое сердце? — поспешил князь переменить разговор и начал в обычной шутливой форме домогаться руки красавицы.

Гулез тоже рада была переменить разговор, принимавший такой неприятный оборот.

— Если спросить у моего сердца, то оно ответит совсем другое... — промолвила она, тоже переходя на шутливый тон.

— Мне только это и надо: знать, что у тебя на сердце. До остальных мне нет никакого дела.

— Но все же, прежде чем обратиться к моему сердцу, тебе придется заслужить расположение наших ша-

псугов. Мое сердце покорно воле шапсугов, — отвечала Гулез.

Болотоков недолго пробыл в гостевой. Он пошутил, поспорил с Гулез и, испытав резвость ее ума, ушел несколько смягченный.

Через несколько дней княжич снова появился в гостевой Гулез. Теперь Болотоков, казалось, был настроен более миролюбиво, в его речи все реже появлялись колкие фразы. Поддаваясь обаянию Гулез, он все больше забывал свою враждебную настороженность. Ему очень понравилась эта дочь шапсугов. Меткость ее слов поражала его и порой ставила в тупик. Однако смелость ее суждений и та независимая гордость, с которой Гулез держалась с ним, коробила его, привыкшего к раболепной покорности у себя в Темиргое. Княжич сам не знал, чего хочет он добиться от этой девушки. Разумеется, он не допускал и мысли о женитьбе на плебейке, но сам не замечал, как в пылу разговора все дальше шел по пути искания ее руки. Даже ему, юному старцу с душой, иссеченной злыми и преступными помыслами, был приятен словесный поединок с этой тфокотлевской дочерью, нрав и взгляды которой были так чужды ему. «Не беда, если даже он вдруг добьется ее согласия выйти за него замуж. Ведь не будет же он считаться со словом, данным плебейке, да еще дочери такого племени. как шапсуги, с которыми его разделяет скрытая, но непримиримая вражда. А, может быть, и в самом деле взять ее: побаловаться, а потом передать в жены комунибудь из своих уорков... А то можно выгодно продать ее на побережье...» — мелькали в его голове подленькие княжеские мысли.

Если бы люди следовали велениям инстинкта, они при встрече с княжичем хватались бы за оружие, как при виде гадюки хватаются за палку, чтобы скорее уничтожить ее. Гулез в присутствии княжича испытывала чувство, подобное тому, какое испытывает человек от прикосновения скользкого, ледяного тела змеи, и душа ее содрогалась под его холодным острым взглядом Он был строен и гибок телом, но каждое его слово, каждое движение этого стройного тела, казалось, были пропитаны ядом. Княжич был страшен и привлекателен, и Гулез с непреодолимым любопытством и содроганием души вела

острую и настороженную словесную борьбу, стараясь, однако, сохранить между ним и собой безопасное расстояние.

На этот раз в гостевой было меньше посторонних, а из пожилых людей ни одного, и князь чувствовал себя более свободно. Трудно было угадать, какое решение принял он в отношении Гулез, но теперь он определенно и настоятельно добивался ее руки. Похоже было на то, что он и в самом деле возымел самые серьезные намерения жениться на ней. А Гулез, применяя одну уловку за другой, старалась придать разговору шутливый характер. Но, собираясь уходить от Гулез, Болотоков, наконец, прямо спросил: согласна ли она выйти за него замуж? Гулез постаралась и это обратить в шутку. С непринужденной легкостью, как будто бы соглашаясь, она игриво ответила:

— Что ж, за мной дело не станет. Только с одним условием: другу своего детства, названному брату моему я обещала, что, когда буду выходить замуж, подарю ему того коня, на котором приедет жених. Так вот, если ты привяжешь своего коня к нашей коновязи и отдашь его моему другу, — я согласна.

Болотоков мгновенно переменился в лице, побледнел, как от неожиданной пощечины, гордо выпрямился и, едва сдерживая гнев, глухо произнес:

— Найдется ли в Шапсугии человек, достойный сесть на княжеского коня? Да ваши шапсугские парни больше интересуются волами, чем настоящим конем! Даже ради всех девиц Шапсугии я не слезу со своего коня!

Гулез, конечно, прекрасно понимала, что она предлагает гостю: у адыге конь был обычным подарком, но она знала, что, по княжеским нравам, коня, на котором ездит сам князь, он никогда не подарит тому, кого считает ниже себя. И все же Гулез не ожидала, что ее слова так сильно подействуют на гостя. И задетая словами Болотокова, она гордо, но сдержанно ответила:

— Нет такого человека, который бы низко ценил свою голову, и потому, как бы ничтожна я ни была, я тоже чего-то стою...

Болотоков в тот же день уехал из аула.

IV

Гулез не сразу поняла меру оскорбления, нанесенного княжичем шапсугам, но зато весь аул был возмущен его обидными словами. Молва об этом быстро распространилась за пределы аула по всему междуречью. К Гулез приходили люди справляться, так ли сказал князь Болотоков; даже из соседних аулов приезжали несколько верховых.

Тогда-то и решилась Гулез на то, что до этого неясно зрело в ее душе.

Обиднее всего было то, что в пренебрежительных словах, сказанных Болотоковым о шапсугской молодежи, Гулез видела долю правды. С того времени, как она стала задумываться над окружающей жизнью, ее начала тревожить беспечность шапсугских крестьян. Она видела, что искусству владеть оружием и ездить на коне учатся лишь те, кто занимается грабежом, воровством скота и конокрадством, — т. е. уорки и прочие злоумышленники. Крестьяне же, несмотря на то, что им постоянно грозила опасность нападения и ограбления, мало заботились о том, чтоб быть готовыми к защите.

Неоднократно наблюдала Гулез, как суматошно, несуразно и неуклюже поднимались крестьяне на защиту своих аулов. Кто пешком, кто на невзрачном негодном коне, причем большинство вооружены были вилами и палками. Оттого-то в стычках с врагом крестьянам удавалось отстаивать свой аул и свои семьи лишь ценой самоотверженной храбрости и огромных жертв. Так это было и в Бзиюко. Гулез никогда не забывала о Бзиюко, потому что в ее сердце никогда не бледнела память о славном Мосе. Она всем сердцем принадлежала своему народу, как принадлежал ему и Мос. У нее часто появлялось желание бросить своим шапсугам предостерегающий тревожный клич, напомнить им, чтобы они не забывали об оружии и конях. Но как сделать, чтобы этот клич дошел до сознания всех и чтобы все шапсуги живо откликнулись на него? — этого она до сих пор не могла придумать. И вот теперь, под впечатлением оскорбления, нанесенного княжичем ее народу, окончательное решение созрело в ее душе.

Это было накануне окончания общей пахоты. Пахари прислали гонца в аул и, особо, к Гулез с сообщением, что через неделю они окончат пахоту и вернутся с поля. Аул готовился к традиционному празднику окончания пахоты; готовилась и Гулез, к которой прежде всего должны была заехать пахари, чтобы выразить этим особый почет.

Получив это известие, Гулез послала подростка к некоторым старикам и велела передать такие слова: «Я нуждаюсь в вашем совете по очень важному делу. Я сама пришла бы к вам, но подол платья опутывает мои ноги. Молю вас не осудить меня и зайти ко мне сегодня вечером».

Вечером, когда собрались старики, Гулез рассказала им о своем решении бросить клич к шапсугской молодежи. Старики единодушно одобрили ее решение и посоветовали, как это лучше сделать.

В следующую пятницу, к полудию, торжественная вереница арб въехала в аул, и пахари с песнями направились прямо к дому Гулез. Навстречу им высыпал весь аул, от каждого двора выносили по кожаному ведру с водой, обливали пахарей, восклицая: «Да будет у нас урожай!» У своих ворот Гулез выставила чан с крепким напитком «шуата» и, облив водой старшего пахаря, поднесла ему большую чашу «шуаты». Так подносила она чашу каждому, после чего пригласила всех в дом, где уже было приготовлено угощение.

Тем временем в ауле заканчивались приготовления к празднеству, — еду, напитки, медные котлы и прочую посуду погрузили на арбы и вместе с пахарями выехали всем аулом за околицу. Там уже был устроен специальный шалаш для старшего тамады — распорядителя торжества. За аулом, на зеленой лужайке началось пиршество, танцы, верховые и пешие состязания, соревнования в стрельбе.

Три дня продолжался праздник пахарей. На третий день, к вечеру, на большом заключительном джегу, где присутствовали гости из ближних аулов, вдруг вышла на середину джегу Гулез и встала, как изваяние, — безмолвная и прекрасная. Пораженные таким необычным явлением, все мгновенно умолкли. Джегуако быстро подлетел к девушке. Гулез попросила его позвать ста-

рейшего тамаду. Все на джегу недоумевно молчали, ожидая, что будет. Наконец явился старейший, который, кстати сказать, был в числе тех стариков, с которыми неделю тому назад советовалась Гулез. Девушка попросила старика передать шапсугам то, что тревожит ее сердце. И старик обратился к собравшимся со следующими словами:

— Прекрасная наша Гулез просит сказать шапсугам следующее: сейчас весна, а осенью, в день окончания уборки урожая, она устраивает семисуточный джегу со скачками и состязаниями всадников в борьбе и по искусству владения оружием. Гулез упрекает молодежь Шапсугии в том, что она позабыла о Бзиюко и беспечно ведет себя, в то время как опасности ежедневно подстерегают нас. Поэтому наградой победителю состязания на джегу Гулез назначает свое сердце: прекрасная Гулез согласна стать для него преданным другом, хорошей женой, или верной сестрой — как того пожелает сам победитель.

От неожиданности все присутствующие на джегу замерли, а потом вдруг заволновались и загудели. Поднялся шум. Тогда вышел из толпы старик.

— Шапсуги! — сказал он. — Мы всем сердцем благодарим лучшую из девиц, нашу Гулез за то, что она так тревожится о благополучии народа и верно указала нам на нашу беспечность. Мы совсем забыли о необходимости всегда быть готовыми к самозащите. Хвала тебе за это, достойная дочь шапсугов! Но, шапсуги! я думаю, все согласятся со мной в том, что жестоко и бесчеловечно будет с нашей стороны принять такую жертву девушки. Давайте решим так: все средства, которые мы соберем на осеннем джегу, а также хвала шапсугского народа будут наградой победителей. Кто рожден мужчиной, пусть готовится к этому джегу и докажет нам свою доблесть и свое достоинство.

Но тут снова выступил старейший и предложил вопрос о награде решить на самом джегу. На этом все и согласились.

Как иногда в горах бывает достаточно человеческого крика, чтобы двинулся готовый обрушиться грозный обвал, так и призыв Гулез всколыхнул все общество ша-

псугов. Получнлось так, что она первая дала толчок созревшему иародному двнженню.

Прнсмнревшне после Бзнюко уорки к этому времени снова стали подннмать голову. Онн снова началн бесчинствовать, участилнсь случан захвата пастбищных угодий, угона скота, прнчем теперь нередко угонялн целые стада. Правда, шапсугские уорки пока еще ие решалнсь открыто участвовать в грабежах своих соплеменннков, но все чаще узнавали крестьяне, что они прииимали участие в такнх налетах с уорками другнх племен. Возмущенне народа росло. Вместе с тем зрело сознание того, что надо что-то предпрннять и обуздать обнаглевшнх уорков. В народе уже поговарнвалн о необходнмостн всенародного собрання, чтобы на этом собранни установить предел посягательствам уорков. Такое народное собрание шапсугов состоялось несколько позже, в 1822 г., в местности, нменуемой Печетнннуко. Народ принял там устное решение, в котором выразнлась еще одна тщетная попытка установнть сосуществованне с паразитическнм феодальным сословнем.

Такнм образом, обидные слова княжича Болотокова и прнзыв, которым ответила иа эти слова Гулез, пали на подготовленную почву. А тут еще молодой уорк Абат Бесленей, представнтель влнятельного н могущественного рода Шапсугни, услышав о прнзыве Гулез, презрнтельно произнес: «Ну что ж, еслн хотят садиться верхом, то пусть оседлают своих волов, это будет нм всего сподручнее».

Крестьян возмутнлн этн слова, н иародное движение к самозащнте прнобрело еще большнй размах.

Весть о призыве Гулез быстро облетела все шапсугское междуречье, перекннулась за хребет н долетела до берега моря. Каждый юноша старался найти себе хорошего коия: коией покупали и выменивали, выращнвали жеребят. Молодежь как могла вооружалась. Участились скачки и состязання. И все чаще становились стычки крестьян с уорками.

Прошло несколько дней после того, как объявлено было об осеиинх состязаннях, и Гулез приступнла к выполненню другой частн своего замысла. В этот день к иим зашла мать Анчока. С детства Гулез звала ее «Нана» — что значит «мама», и все соседки, посмеиваясь

над тем, что девочка свою мать называет по имени, а чужую женщину — «Нана», тоже начали в шутку называть мать Анчока — «Нана». Так это прозвище и закрепилось за нею.

Нана всем сердцем привязалась к соседской девочке, и после гибели Моса эта привязанность перешла в какую-то трагическую потребность ее души, связанную с памятью о муже.

Нана часто посещала соседский дом, чтобы только увидеть Гулез. Придет, погладит девушку по голове, долго, внимательно вглядится в ее лицо, горестно вздохнет и уйдет молча, со слезами, навернувшимися на глаза. Она не обращала внимания на изменившееся отношение родни Гулез, на некоторый холодок, с которым ее принимали. Казалось, ей не было дела до того, чем заняты люди на этом свете, и ее мало беспокоило их внимание или невнимание. Безутешная вдова, она жила словно тень покойного мужа, жила только памятью о нем. А на этом свете ее больше всего с памятью о муже связывали Анчок и Гулез. Поэтому, несмотря на недружелюбный прием бесчисленных невесток Гулез, она, когда ее тоскующей душе вдруг захочется видеть Гулез — любимицу покойного мужа, продолжала приходить к соседям. Гулез для нее была все той же маленькой черномазой, шустрой девочкой, какой она каждый день прибегала к ним, когда жив был Мос.

Только в последнее время на лице Наны к выражению сосредоточенной грусти прибавилось какое-то молчаливое, не то пытливое, не то укоризненное выражение. Даже у Гулез, которая была очень привязана к Нане и всегда радостно встречала ее, это новое выражение вызывало недоумение. Когда они оставались наедине, — а это случалось редко, так как за ними настороженно следили невестки, — Гулез ждала, что Нана вот-вот заговорит об Анчоке и, может быть, поможет им чем-нибудь... Но Нана молчала и только глядела грустно и пытливо.

В этот раз Нана принесла Гулез несколько груш-скороспелок.

— Душа моя, при покойном ты так радовалась, когда созревали эти груши. На, отведай и мне будет казаться, что это он дарит их тебе. Хоть бы раз прибежала к нам,

как бывало в детстве, и сама сорвала бы груш, — проговорила Нана, отдавая Гулез сверток с грушами, и посмотрела на нее грустно, пытливо и укоризненно. Но опять ни слова не сказала она, только тягостно вздохнула и слезы навернулись у нее на глазах.

Нана и на этот раз долго не задержалась в доме Гулез. Казалось, в этом мире она не находила себе места — минутку посидела, помолчала, вдруг поднялась, подошла к Гулез и, словно прощаясь с ней навсегда, грустно погладила ее по голове шершавой ладонью и пошла домой. Не дав своим домашним ни мгновенья, чтобы успеть сказать слово запрета, Гулез с былой детской резвостью побежала вслед за Наной и догнала ее. Ей будто бы вдруг непреодолимо захотелось посидеть под старым грушевым деревом Моса и отведать груш, сорванных своей рукою... Безумолку щебетала она, расспрашивая Нану, какие деревья дадут в этом году больше плодов, как выглядит виноград, в каком состоянии пчелы. Нана отвечала... Но как только они перешагнули плетеный перелаз между дворами, обе, как по уговору, замолчали. Им так много нужно было сказать друг другу и вместе с тем так тягостно было говорить. Ступив во двор, где все до сих пор хранило следы рук покойного Моса, они погрузились в грустные воспоминания о покойном.

Гулез, тихая и печальная, бродила по памятным местам, и Нана безмолвно следовала за ней. Каждая из них знала, что таится в душе другой, но они не решались заговорить об этом. Гулез все же надеялась, что Нана, наконец, заговорит о сыне. Она надеялась увидеть его, но Анчока, как видно, не было дома. А Нана даже не нашла нужным сказать ей, что Анчок в поле.

Гулез прошла в самый конец сада, в тот укромный уголок, где они с Анчоком дали друг другу первое, еще детское слово верности. Гулез подозвала Нану и, крепко ухватившись рукой за ветку и потупив взор, промолвила:

— Нана, ты, должно быть, слышала о большом состязании шапсугской молодежи, которое устраивается осенью? Передай Анчоку, что мне бы очень хотелось, чтобы на этих состязаниях он показал себя достойным памяти своего отца. Скажи ему так: от того, как он покажет себя на состязании, будет зависеть мое счастье.

Не осуждай меня, Нана, но мне больше некому доверить эту свою тайну... — и она добавила дрогнувшим голосом: — Если бы Мос был жив, наше счастье устроилось бы гораздо легче...

На длинных ресницах Гулез повисла крупная, светлая слезинка. Нана подошла к девушке, обняла ее и с той же грустью в голосе сказала:

— Душа моя, я все понимаю. Ты так же близка моему сердцу, как и родной сын. Если он не окажется достойным счастья, я буду осуждать его, а не тебя. Да и он это, кажется, понимает. У него теперь одна мечта — во что бы то ни стало купить самого лучшего коня, равного которому нет.

— Еще передай ему, — продолжала Гулез, — пусть он обратится с просьбой к старику Гучипсу и тот поможет ему выбрать коня и научит объездить его. Гучипс был другом Моса и не откажет в этой просьбе. Я однажды, когда зашла речь о покойном, упрекнула старика за то, что он не делится своим стариковским опытом с сыном бывшего друга. Он ответил мне: «Давать совет недостойному такое же бесполезное занятие, как бросать зерна в невспаханную землю. Если он окажется достоин своего отца, он сам найдет дорогу к старикам за советом...» Прошу тебя, Нана, передай ему все это, — сказала Гулез и быстро пошла домой.

Когда вечером вернулся Анчок, мать усадила его и с той суровой торжественностью, с какой она обычно делала ему внушения о чести отца и о заветах его, обратилась к нему. Анчок угрюмо и покорно сел, хотя ему теперь было не до разговоров.

Настроение у Анчока было подавленное. Он недалек был от того, чтобы потерять веру в свои силы. В прошлом году приобрел он коня. Гладкий и упитанный, конь его был статен и красив, однако, как ни бился Анчок, не мог он достичь должной справности: при проверке в беге и дальней поездке конь оказался мало вынослив. С первых же дней конь стал чахнуть неведомо отчего, хотя Анчок выхаживал его так, как указывали ему люди. Анчок склонен был думать, что хорошо изучил искусство коневождения, но с тренировкой этого коня у него так ничего и не получалось. Особенно разочаровался он в своем коне после одного случая. Как-то вечером, проез-

жая верхом, он услышал крики и увидел всадника, выскочившего из лесу и погнавшего крестьянских волов, которые паслись здесь же. Анчок гикнул и бросился за всадником. Тот оставил волов и поскакал прочь. Анчок погнался за ним. Вначале он быстро настигал всадника, но потом всадник стал все больше и больше отдаляться от него и вскоре совсем скрылся. Конь Анчока, весь в мыле, быстро устал и едва дотащил его домой. Анчок терялся в догадках,— почему это? Сказать, что у его коня нет бега,—так почему в начале погони расстояние между ним и разбойником так быстро уменьшалось? В чем же дело? Люди, которых он спрашивал, не могли разрешить его недоумений. Эта неудача все время угнетала Анчока, и в душе его рождалось чувство неуверенности в себе. А неуверенность в себе сама собою рождала неуверенность в возможности добиться счастья с Гулез.

Раньше он обижался на Гулез, обвиняя ее в том, что не только ее родители настроены против него, но и сама она изменила данному слову. Однако после того серьезного разговора он должен был признать ее правоту. Да, Гулез права: если они убегут, им не уйти от мести ее братьев. Полбеды, если будут мстить только ему, ну а если что случится с Гулез!.. Всего можно ждать от ее брата Камбулета, который уже до того пал, что стал стыдиться звания тфокотля. Нет, Анчок должен стать таким, чтобы люди стали уважать его и считаться с ним. Но для этого, первым делом, надо иметь хорошего коня. И вот с конем-то у него ничего не получается...

Когда мать передала ему слова Гулез, он вдруг просиял, вскочил и воскликнул:

— Вот умница! А я спрашивал тех, кто ничего не знает, и не догадался пойти к самому большому знатоку коней! Она точно почувствовала, что лишило меня покоя, и пришла мне на помощь как раз во-время. Я сейчас же пойду к Гучипсу!

Но мать остановила сына. Она снова усадила его и с той же неторопливой торжественностью продолжала:

— Не горячись, сын мой. Когда спешишь, ничего хорошего не получается. Выслушай мои слова: если конь твой не годится, купи себе другого, только уж выбирай с толком. У тебя еще остались деньги от тех, что подарил Хатхе. А я храню все, что осталось от отца. Есть у

иас ткани. Заплати, сколько нужио, ио приобрети хорошего коня. А оружие отцовское не подведет тебя, только ты сам окажись достойным его. Пойди к Гучипсу, но сумей оказать ему подобающий почет и уважение. Гучипс старик с иоровом и не каждого удостаивает своим советом. Он не выносит людей, несдержанных на слова и неосмотрительных в поступках.

Выслушав длинные иаставления матери, Аичок отправился к Гучипсу.

Гучипс жил на другом конце аула. Анчока встретил старший сын Гучипса, человек уже пожилой, и пригласил гостя в куиацкую, которая стояла чуть поодаль от дома. Но Анчок сказал, что ои ие считает себя гостем, а пришел к Гучипсу как к старому другу своего покойного отца и потому ему не хотелось бы беспокоить старика и заставлять его выходить в куиацкую. Поэтому ои просит отвести его к Гучипсу в большую саклю. Сыи Гучипса пошел к отцу и передал слова юноши. Вскоре он вернулся и повел Аичока в большую саклю.

Навстречу Анчоку поднялся жилистый, крупнокостиый высокий старик в шубе, иакинутой на плечи. Гучипсу было около ста лет. Но, иесмотря иа столь преклоииый возраст, старик все еще держался прямо и гордо, откинув назад голову, в движениях его чувствовалась виушительиая сила. На длинном лице выделялся крупный орлиный нос, из-под густых иависших бровей сурово глядели проницательные глаза. Гучипс был строгий старик.

Когда Аичок рассказал Гучипсу, зачем ои пришел, тот понимающе улыбнулся и промолвил:

— Наконец-то, сын мой, ты взялся за ум. Ради памяти покойного Моса я давно присматривался к тебе и никогда ие ставил тебя в одии ряд с другими парнями иашего аула. Ничего плохого за тобой я ие замечал, однако, ничего такого, что говорило бы о том, что ты стаиешь достойиым сыном своего отца, я тоже ие видел. Я следил за тобой и ждал. Если ты окажешься достойным мужчииой, мы найдем тебе достойиого коня.

V

Вскоре после этого прошел слух, что в одии из дальиих аулов пригиал какой-то коиевод табуи лошадей и

перед тем, как гнать их на летние пастбища, объявил распродажу коней. Гучипс прислал парня за Анчоком и велел ему собираться в путь.

— Я знаю этого коневода: в его табунах попадаются годные кони, — сказал он.

— Но, Гучипс, не утомит ли тебя такая дальняя поездка? — спросил с сомнением Анчок.

— Старый наездник держится в седле, как сухое дерево на воде, — ответил Гучипс.

Они выехали с восходом солнца. Был конец мая. Вся могучая растительность Закубанья бурно расцветала. Попадавшиеся на пути небольшие поляны были покрыты сплошным ковром из цветов. Эти поляны образовывали редкие просветы в темном своде сплошного леса. На опушках леса под лучами восходящего солнца искрилась и переливалась молодая зелень. А в глубине леса стоял розоватый мягкий полумрак, пронизанный огненными лучами.

Анчок наблюдал за Гучипсом. Старик словно прирос к седлу. В крестьянской, с узким меховым околышем, суконной шапке, гордо подняв голову и слегка подавшись назад, он непринужденно покоился в седле и лишь слегка покачивался в лад с конским шагом. Правая рука его, в которой он держал сложенную вдвое плеть, свободно лежала на коленях. Ружье в лохматом бурочном чехле торчало у него за спиной, напоминая обомшелый сук. Особое внимание обратил Анчок на литую неподвижность его колен, плотно обхвативших бока коня.

Внушителен и по-своему красив был профиль Гучипса: сухое длинное лицо, обрамленное белоснежной сединой, и крупный крючковатый нос придавали ему грозный вид; из-под нависающих бровей зорко следили за всем окружающим острые глаза. В те времена острый, наблюдательный глаз был путнику нужнее всего. Каждая опушка, с которой дорога вела в темную чащу, в те времена была полна опасностей. Налетчики большей частью подстерегали зазевавшихся путников именно на лесных опушках. Этим и объяснялось то, что у наиболее опасных опушек дорога разветвлялась на много еле заметных тропинок, веером уходивших в лес, — предосторожность путников, старающихся сбить со следа своих врагов.

Конь Анчока все время отставал от коня Гучипса, и ему то и дело приходилось ехать легкой рысцой, чтобы быть рядом со стариком. Конь Гучипса шел крупным размашистым шагом, не изменяя четкого ритма; свою сухую голову он держал бодро и весело, грыз удила и часто прядал острыми ушами, словно переговариваясь с седоком. Анчоку никак не удавалось добиться от своего коня такого же постоянного, напряженного, ритмичного шага. Только наладит он шаг своего коня, пройдет немного времени и конь снова сбивается — то сбавляет шаг, то переходит на рысь.

Гучипс заметил это и сказал:

— Надо уметь, сын мой, выработать шаг коня.

— А как это сделать? — живо спросил Анчок.

— Надо, чтобы и конь и всадник всегда помнили о размахе шага. Это очень важно: постоянным, напряженным, крупным шагом можно преодолеть большее расстояние, чем бегом или рысью.

Анчок ждал дальнейших разъяснений, но неразговорчивый старик умолк. С первой же встречи Анчок почувствовал, что Гучипс владеет тайной коневождения, и потому с жадным интересом ловил каждое слово старика. Но старик так много знал и так мало говорил! А приставать с расспросами Анчок не решался, зная строгий нрав Гучипса и боясь вызвать его недовольство.

Так проехали они некоторое расстояние молча. Дорога то выбегала на солнечные, пестро-нарядные поляны, то, словно в туннель, надолго уходила под сумеречные своды векового леса.

Анчок ревниво следил за стариком, приглядывался к тому, как его конь, сухощавый и крупнокостный, похожий на своего седока, все так же мерно и крупно шагал, изредка резко пофыркивая. Анчоку хотелось проникнуть в тайну этого искусства. «Может, он коленями управляет», — подумал Анчок. Но колени Гучипса все так же неподвижно обхватывали бока коня. И сколько ни смотрел Анчок, он так и не подметил никаких понукающих движений. Словно конь понимал каждое желание седока.

Гучипс мельком небрежно взглянул на коня Анчока и спросил:

— Ты коня прямо из табуна брал?

— Да, — недоуменно произнес Анчок: какое, мол, имеет значение — из табуна или из-под седла взял он коня!

— И в первые же дни заставил его проголодаться?

— Верно! — воскликнул изумленный Анчок. — Это было в конце зимы, еще лежал снежок. На обратном пути по дороге я увлекся охотой, и конь целый день не ел. Вечером, вернувшись домой, я поставил его и не допускал к корму. В ту ночь, помнишь, случился в ауле пожар — у Лялюха. Я побежал туда. Так до самого утра, больше суток, конь ничего не ел. А какое это имеет значение?

— По шерсти видно, — уронил Гучипс и умолк.

Так проехали они довольно долго, не проронив ни слова. Только слышен был четкий, как тикание маятника, стук копыт коня Гучипса и неравномерное, с перебоями, шарканье коня Анчока. Они миновали ближний аул. Солнце начало припекать. Конь Анчока стал сдавать: уши у него то и дело свисали, по шерсти заблестели мелкие проталины пота. А конь Гучипса, сухой, подтянутый, неутомимый, все так же деловито, четко отбивал шаг, все яростнее грыз удила — и ни малейшего признака утомления.

Гучипс, вдруг как бы вспомнив о своем спутнике, бросил неодобрительный взгляд на коня Анчока и коротко спросил:

— Ты перед тренировкой кормил коня?

— Хорошо кормил, овсом, — похвастался Анчок.

— Видно...

Старик снова умолк, а Анчок так и остался с раскрытым от изумления ртом.

— А мне люди советовали так... — пролепетал он.

— Советовать любит тот, кто сам ничего не смыслит. Твой конь скоро не оправится, сейчас лучше пустить его в табун, а потом, через полгода или год, заняться им заново.

Любопытство Анчока все возрастало, но вместе с тем росла и почтительная робость перед мудростью старика.

Наконец Гучипс, видно, оценил скромность парня: помолчав немного, он заговорил уже более мягко:

— Твоего коня можно сделать годным, но особыми достоинствами он не обладает. Впрочем, всякого коня,

если умело ухаживать за ним, можно сделать пригодным. Еще легче даже самого отличного коня превратить в негодного. Адыге немало трудов потратили на то, чтобы вывести «щагди» — так называют коня чистой адыгской породы. Резвые скакуны пригодны только для скачек, а для трудной походной жизни они не годятся. К тому же, самые лучшие скакуны бывают хрупкого сложения, они как бы чуть приплющены с боков и для трудной дальней дороги мало пригодны. Адыгам нужны были не очень большие, но и не маленькие ростом, выносливые в походе, достаточно резвые и неутомимые в беге кони. Слишком крупный конь недостаточно поворотлив, ход у него тряский, он требует в пути много корма и от него трудно добиться выносливости. В странах, где восходит солнце, есть породы мелких, очень выносливых коней, но они невзрачны, коренасты и слишком малы. Вот и решили адыги вывести нужную им породу коня. Из поколения в поколение коневоды отбирали коней с каким-либо особым качеством и выращивали их.

По шерстинке подбирали адыги нужные им качества своей конской породы. Вот и вывели они коней, настолько выносливых в походе, что десять суток, не получая хорошего корма, несут они седока и становятся все горячее и яростнее. В беге на дальние расстояния их не превзойти. Я говорю, конечно, не о выродках, каких найдется немало в каждом табуне, а о чистом «щагди», умело подготовленном и выученном.

— Есть сказ о старом Шоулохе, выведшем шоулоховскую породу адыгского коня. Говорят, что за всю жизнь в табуне Шоулоха число лошадей не превзошло ста голов. Когда же он, состарившись, передал это дело своим сыновьям, те за несколько лет довели число голов до тысячи. И вот сыновья стали нескромно хвастаться перед отцом: ты, мол, за всю жизнь смог вырастить только сто голов, а мы за несколько лет вон сколько развели. Тогда старик велел сыновьям построить большой загон с крепкой высокой оградой. Он приказал пригнать табун и запереть его в этом загоне, после чего велел выстрелами и гиком напугать лошадей. Испуганные лошади заметались в загоне и, говорят, только пятьдесят лошадей из тысячи смогли перепрыгнуть через высокую ограду и ускакать. Тогда старый Шоулох сказал

своим сыновьям: «Вот те, что перепрыгнули через ограду, — это кони моей породы. А те, что остались в загоне, — те не кони, а коровы, и я их не считаю».

Тут Анчок осмелился спросить:

— А какие самые лучшие породы адыгских коней?

— У адыгов много разновидностей конской породы. Место, где выведена порода «щагди», населена кабардинским племенем адыге. Лучших коней дают породы: «шоулох», «жирашты», «крым-шокал», «кундет» и «абыку». Недаром налетчики-уорки говорят: «Если имеешь одного «абыку» и один аркан, ты уже имеешь целое состояние». Неплохих коней дают также породы: «хагундоко», «шеджероко», «ачатыр», «трам», «еген», «есеней». Есть еще много других, но о них не стоит упоминать.

— Самые красивые кони, — продолжал Гучипс, немного помолчав,—это «жирашты», и людей, которые мало разбираются в конях, часто обманывает красота «жирашты». Это не слишком высокие и не слишком длинные — статные лошади. Но «жирашты» не очень вынослив. Устав в пути, «жирашты» и седла не донесет до дому. А кони породы «крым-шокал», «шоулох» и «кундет» даже если совсем пристанут, все же седла на полдороге не оставят, а донесут до дому. Они выносливее.

— Замечательна порода «кундет». Некоторые склонны считать, что нет коней лучше породы кундет. До семи-девяти лет конь этой породы обычно не обнаруживает всех своих достоинств. Жеребенка породы кундет до двух лет трудно отличить от самой простой породы — такой он лохматый и невзрачный на вид. Но после двух лет он начинает меняться: и шерсть у него приглаживается, и живот он подбирает, и уши заостряет,— начинает приобретать должный вид.

Так, разговорившись, рассказывал Гучипс Анчоку о происхождении и достоинствах адыгского коня. Анчок слушал рассказ старика, словно захватывающую сказку. Но к его огорчению вскоре показался аул — конец их пути.

Они заехали к знакомым Гучипса, поставили коней, а сами отправились в табун. Загон, где собран был табун, находился за аулом, на большой поляне. Там собралось много народу. Тут были и покупатели и просто зрители

Статных, лоснящихся, красивых коней ловили и тут же уводили. Расплачивались скотом, русскими и турецкими монетами, злаками, а иногда отрезами тканей. Соль тоже была в числе главных меновых ценностей. Тут же, на поляне, усмиряли заарканенных неучей: их седлали, и дикие кони с седоком на спине выносились из ворот загона и с визгом скакали окрест. Гиканье всадников, говор людей, ржанье коней — невообразимый шум стоял над поляной. Гучипс и Анчок стояли и все высматривали себе коня. Долго так простояли они. Анчоку казалось, что самых лучших, красивых коней, которых он мысленно облюбовывал для себя («вот этого, наверное, выберет Гучипс», — думал он), покупали и тут же уводили. Анчок уже терял терпение. В его душу стало закрадываться сомнение: а верно ли, что этот старик умеет выбирать коней? Почему он так невозмутимо и безразлично смотрит, как отбирают и уводят лучших коней?

Анчок не выдержал и сказал Гучипсу:

— Так как же, Гучипс, ведь лучших коней разбирают, а мы останемся ни с чем.

— Не беспокойся, сын мой, того коня, какого нам надо, они не заберут. Они забирают красивых коней, и пусть. А нам нужен годный конь.

Но даже такая уверенность старика не успокоила Анчока. Он стал подозревать, что Гучипс знаток только на словах.

Все больше видных лошадей уводили прочь, а старик все стоял и внимательно, напряженно всматривался в табун. Наконец он указал на коня золотисто-буланой масти, который в этот момент пробегал мимо них.

— Вот, сын мой, если хочешь иметь коня, забери этого буланого.

Сердце Анчока похолодело от неожиданности и обиды. Буланый примечателен был своей золотистой мастью, и Анчок давно уже обратил на него внимание. Однако он выделялся не только мастью, а также своим невзрачным видом. Шерсть его была лохмата, брюхо несколько свисало, весь он был крупнокостный и длинноватый, — Анчоку казался он самым негодным конем во всем табуне. И когда Гучипс указал именно на этого буланого, Анчок даже вспотел от усилия, которое ему пришлось

сделать над собой, чтобы сдержать слова возмущения.

Но Гучипс, казалось, не замечал разочарования Анчока. Старик всецело был занят конем. Как раз в это время для одного из покупателей арканили лошадь. Весь табун в смятении кружился по загону, и буланый тоже несколько раз проскакал мимо них.

— Свиная спина и свиной постав ног, — говорил Гучипс как бы про себя, неотрывно следя за буланым. — Круп и холка на одном уровне; грудь и плечи, как у зубра — мощные; ноздри хороши. Голова сухая, аккуратная, челюстные кости тонкие, ганаши достаточно широки. Глаза! Валлахи, таких глаз не бывает у слабого коня! И, смотри-ка, сын мой, насколько далеко перешагивает он при ходьбе задними ногами след передних. Конь длинноват, но, несмотря на это, очень подвижен, с места срывается, как перышко, и в беге легок — едва касается земли. Он, видно, уже приручен, а это очень важно. После усмирения арканом и после того, как на него первый раз оденут седло, конь обычно долго не может оправиться.

Но все эти достоинства, которые, рассуждая сам с собою, перечислял Гучипс, ничего не говорили Анчоку. Он слушал старика и в нем росла злоба. Из всего сказанного он обратил внимание лишь на сравнение со свиньей.

— Что ж хорошего в том, что спина и ноги у коня, как у свиньи? — со сдержанной злобой спросил Анчок.

— Э, сын мой, спина, ноги да грудь — это главное для коня, — быстро отвечал старик, не отводя глаз от буланого.

— Шея аккуратная, — продолжал он свои рассуждения, — круп, как грибок; крутые икры, как у оленя. Пах узок, и трех пальцев не будет в ширину, как народ говорит, — есть у него лишнее ребро и избыток сил. Да, этот конь годится. Более подходящего я здесь не вижу. Возьмем его. Правда, он пока выглядит немного невзрачно, но зато за него и не так дорого запросят. Это конь породы «бечкан»!—многозначительно добавил Гучипс и, заметив, что Анчок ничего не понимает, пояснил: — Это редкая и малоизвестная порода, которая очень ценится знатоками.

Буланого поймалн и подвели к ним. Конь, как и предполагал Гучипс, оказался прирученным и слушался повода. Гучипс еще долго осматрнвал его н что-то шептал про себя, но Анчок уже не слушал старнка. Ему казалось, что его заветная мечта нметь хорошего, статиого коня и на этот раз потерпела крушенне, и ои стоял подавлениый и безучастиый.

А Гучнпс, не обращая вниманиия иа Аичока, продолжал осматрнвать коня. С правой стороны иа шее коня, ближе к голове, старик заметнл круглый, словно завихреиный заворот шерстн. Тогда он быстро перешел на левую сторону, прнподиял грнву и как раз иапротив обнаружил такой же заворот шерсти.

— Оказывается, у иего н «жерсин»[1] есть... — сказал Гучипс, повндимому, очень довольный своей находкой.

Потом Гучипс пощупал щеточки у бабкн н, обнаружив там что-то, многозиачительио посмотрел иа Аичока.

— Пощупай-ка, сыи мой, — предложнл ои.

— Роговая шишечка, — все так же безучастно сказал Аичок, пощупав шишечку. — Что это зиачит?

— У редкого коия встретишь эти шнишечки... —сказал Гучипс и ие стал больше ничего объясиять.

* * *

Булаиого взяли и вместе с иим пустилнсь в обратный путь. Гучипс многозиачительио молчал, то и дело поглядывая иа буланого — видио, ои был доволеи своим выбором. Раздосадованный и подавлеиный, Анчок молча вел иа поводу коня, который был ему совсем не по душе. Стараясь иичем ие проявить иеучтивости, в душе ои проклинал старнка, который, как казалось Аичоку, обращал вииманне ие на коия, а иа какие-то свои приметы, ни в одиу из которых Анчок ие верил. «Ведь сразу видно, какой конь хорош, а какой нет! — удрученно размышлял он. — И зачем я связался с этим старцем; наверное, он просто выжил из ума!»

Аичок ие допускал мыслн, что булаиый может чемнибудь пригоднться ему, и был озабочеи лишь тем, как выйти из создавшегося положеиия. Ясно одио: конь этот иикуда не годнтся. А иметь хорошего коия на-

[1] Жерсин — знак скакуна.

до во что бы то ни стало. Но теперь ему не на что купить нового коня. Как быть? Продать обоих — буланого и прежнего своего коня и купить нового? Но как это сделать, не обидев старика, который с такой готовностью вызвался помочь ему и даже пустился ради него в такой дальний путь? «Эх!..» — то и дело вырывался из его груди тяжелый вздох. Буланый время от времени пытался порезвиться у него на поводу, но это только раздражало Анчока. Он не замечал, что в шаге буланый то и дело опережал его коня. Анчок со злостью одергивал и осаживал его, отчего конь начинал капризничать, резвиться и кружиться подле него. «Подумаешь, какой отличный конь — еще гарцует!» — в сердцах неприязненно шипел Анчок.

— Шаг у коня отличный, — заметил Гучипс, и это замечание еще более усилило досаду парня.

На половине дороги их нагнали три всадника. Один из них был средний брат Гулез — наездник Камбулет, другой—их односельчанин Шеотлуко, а третьего Анчок не знал. Горячие и красивые кони стремительной рысью, словно вихрь, налетели на Анчока и Гучипса.

Всадники придержали коней и приветствовали старика.

— Что это ты, Гучипс, так далеко съездил, чтобы купить самого невзрачного коня? — сказал Шеотлуко.

В нарочито-громком голосе его слышалось пренебрежение и издевка. В каждом движении этих всадников, в их манере сидеть на конях, в их обращении с людьми — во всем проглядывала наглая самоуверенность, бесшабашная надменность дерзких удальцов. Одеты они были богато, оружие у них было прекрасное, все тщательно подогнано, ничего лишнего. Черные, как перья грача, бурки были туго скручены и приторочены к седлам. С правой стороны за седлом у каждого из них висел свернутый аркан.

Гучипс сделал вид, что не заметил их заносчивого тона, он ответил спокойно и небрежно, ледяным голосом давая понять, что они нежелательные спутники:

— У нас требования не велики. Нам и такой конь годится...

Скоро всадники оставили старика и Анчока. Они стегнули своих коней и шумной ватагой ускакали с та-

кой же стремительностью, с какой нагнали их. Гордые и преступные удальцы, они оставили после себя ощущение чего-то буйного, зверино-жестокого и вскоре скрылись в лесу за поворотом дороги. Некоторое время еще слышны были их громкие голоса, раздавался надменный смех, и Анчоку казалось, что они смеются над его неудачей.

Эта встреча еще более испортила настроение Анчока. Ненависть к уоркам еще с детства жила в сердце Анчока. Он навсегда запомнил те жуткие часы, когда крик— «уорки напали!» — как страшный вихрь проносился по аулу, и отец, неузнаваемо суровый и мрачный, куда-то стремительно скакал верхом, а мать в тревоге за отца бродила по двору вместе с Анчоком, крепко держа его за руку. Еще тогда в сердце маленького Анчока вместе со страхом вспыхнул мстительный огонек гнева. С годами это чувство росло и зрело в нем. Теперь мечта стать непоборимой карой против этих хищников была так же сильна, как и мечта о счастье с любимой Гулез. И он еще острее ощутил свою неудачу с конем. Провожая глазами их статных коней, он почувствовал, что мечта о том времени, когда он сможет скрестить с ними оружие, повергнуть их в прах и заставить трепетать перед собой, снова отдаляется от него.

— Коня ты поставишь в моей конюшне, — прервал старик горькие размышления Анчока, — чтобы мне не надо было каждый день ходить к тебе в такую даль. А еще я надеюсь на тебя, сын мой, что ты достаточно сдержан на язык: все, чему я научу тебя, ты не должен передавать никому. А то научишь недобрых людей и они против нас же обратят это. А какой корм припас ты для лошади?

— У меня есть овес, просо и кукуруза.

— Кукуруза не годится, от нее конь только тучнеет. Овес и просо понадобятся позже...

— А чем же мы будем кормить коня? — изумился Анчок.

— Перед тем, как начать тренировку, коня надо в течение пятнадцати - двадцати дней кормить только сухим хорошим сеном. Надо бы посмотреть, какое у тебя сено. Если твое сено не годится, найдем у меня.

VI

Буланого поставили в конюшне у Гучипса. На другой день Гучипс раньше всего заставил Анчока хорошенько выкупать коня.

— Первое время коня часто купать не следует, — сказал он, — кроме вреда, пользы не будет. Но первый раз важно выкупать хорошо, а потом в течение длительного времени достаточно лишь по утрам протирать шерсть мокрой рукой.

Первые пятнадцать дней для буланого был установлен строгий режим, который включал в себе три основных правила: вдоволь сухого сена; по утрам поить подсоленной водой; каждое утро протирать шерсть мокрыми пальцами.

Ко всему этому Анчок относился безразлично.

Он решил, что неплохо будет ему поучиться искусству воспитания коня, может, это ему и после пригодится. «Все равно, — думал он, — из буланого хорошего коня не получится и, рано или поздно, придется заняться другим конем. Тем временем, может, и сам старик убедится, что ошибся в выборе коня». И Анчок без особого рвения, но покорно выполнял все указания Гучипса.

Странно было то, что старик вовсе не замечал отсутствия благодарности со стороны молодого человека или, может быть, делал вид, что не замечает. Похоже было, что Гучипс старался не ради него, Анчока, а ради кого-то другого. У Анчока иногда мелькала мысль: «А не в заговоре ли старик с Гулез?» Это было тем более правдоподобно, что он знал о том, что старик благоволит девушке, знал, что Гучипс часто захаживал к ней и был для нее постоянным советчиком. Было и еще одно обстоятельство, которое подтверждало эту мысль Анчока. В ауле никто не знал, что Анчок приобрел коня. Конь стоял у Гучипса, и все думали, что купил его Гучипс. Анчока никто не спрашивал, а сам он ни с кем не разговаривал об этом. Он и матери своей крепко наказал, чтобы она никому ничего не говорила. Однако спустя два дня после того, как привели буланого, оказалось, что Гулез знает и про покупку коня и обо всех его приметах. И когда Нана зашла к ней, Гулез пере-

дала через нее, что хотя у адыге и не принято называть коней, она все же дает буланому кличку — «Нальмес», и добавила: «Пусть Нальмес принесет нам счастье».

Как бы там ни было, но Анчок был доволен хотя бы тем, что Гучипс не гневается и не обижается на него за его равнодушие к коню и за недоверие к его стариковскому опыту.

Каждое утро Анчок приходил к Гучипсу и заставал старика расхаживающим по двору. Все время, пока Анчок утром ухаживал за конем, Гучипс был около него. Сначала он все приговаривал: «Осторожней, осторожней, сын мой, протирай шерсть полегче, смотри, не повреди ненатруженное нежное тело коня». А через несколько дней он сказал: «Теперь можешь не жалеть: протирай, покрепче протирай, пусть осядет и станет плотным его пышное тело. Кто хочет иметь хорошего коня, не должен жалеть ни труда, ни рук. Протирай покрепче. Это полезно и коню и твоим пальцам: пальцы мужчины должны быть сильны, как пасть волка. Протирай хорошенько!»

Каждый день старик подмечал у коня все новые достоинства и разъяснял их Анчоку. Теперь он не был так скуп и сух в разговоре, как вначале, и охотно поучал молодого человека, приобщая его к таинству искусства коневождения.

— Уши умно держит конь, — говорил он, приглядываясь к буланому, — он, как говорится, ушами «видит и слышит». Если конь держит уши так: то напрягает их, то ослабляет, чуть роняя набок, то многозначительно поводит ими, словно разговаривает с всадником, предупреждая его обо всем, — это хорошая примета. Значит, конь умный и дельный.

Заметив недоверчивую улыбку на лице Анчока, он добавил:

— Тебе все это может показаться смешным, но приметы эти проверены многими поколениями. А вот даже по помету можно определить, достаточно ли конь выхожен. У здорового, справного коня помет будет не жидкий и не рассыпчатый, а плотный и мягкий и в нем не увидишь непереваренных зерен. А вот и желобок, спускающийся между ягодицами, — тоже верная примета.

У сильного, выносливого коня он будет широкий — не меньше двух пальцев ширины.

Гучипс каждый день ощупывал ноги буланого.

— Ноги хороши, — говорил он, — сухие, жилистые и тонкие, как жердочка. Бабки прямые. Если бабка слишком наклонена, конь никуда не годится. Такой конь не может долго нести всадника. И копыта у буланого крутые, аккуратные, не хрупкие, а плотные и крепкие. Стрелка глубокая, — это достоинство всех адыгейских «щагди». В молодости мы в походах по звуку копыт определяли коней чужеземного происхождения. У адыгских «щагди» звук копыт звонкий, а не глухой. Но есть одно достоинство твоего буланого — то, что он далеко перешагивает задней ногой след передней, которое может обернуться в недостаток: если ему повредят холку или плечо, он начнет вкровь засекать переднюю ногу.

На шестой день после того, как буланого поставили в конюшню, Анчок заметил, что конь несколько похудел, стал тоньше, все его тело словно осело, а линия позвоночника на спине обозначилась резче. Протирая по утрам пальцами его шерсть, он стал ощущать, что все тело буланого уплотнилось и перестало быть таким податливо-мягким, как раньше.

— От нашей кормежки конь худеет! — воскликнул однажды утром встревоженный Анчок.

— Это-то нам и надо, — сказал Гучипс. — Потому-то мы и кормим его вначале только сеном. Незнающие люди, поставив коня на конюшню, сразу начинают откармливать его, думая, что от этого у коня появится больше силы. Но конь от этого только жиреет, внутренности его обволакиваются жиром и такого коня очень трудно сделать выносливым. А когда вначале коня кормишь только сеном и по утрам поишь подсоленной водой, ненатруженное, пышное мясо оседает, уплотняется, внутренности очищаются от лишнего жира — и вначале конь как бы худеет. А зато потом он начинает набирать добротное, трудовое, настоящее мясо. Тренировке и укреплению мускулов сильно помогает протирание шерсти пальцами. Жир, пышный жир — это враг верхового коня. Потом, когда начнется тренировка и конь будет в работе, его можно кормить сколь-

ко влезет, тогда корм не превратнтся в жир, а только укрепнт мускулы. Разумеется, конь должен быть упитанным. Из худого, немощного коня, что с ним ни делай, ничего не получится.

И, действительно, вскоре булаиый начал, как говорил Гучипс, «принимать должиый внд». Конь подтянул брюхо, спина и круп его стали округляться, шерсть приобрела шелковый оттеиок. Теперь, когда буланого выводили из коиюшни, солнечные блики плясали по его шерсти. Весь он как-то подтяиулся, стал изящнее. Булаиый делался все живее, и в глазах его все больше разгорался дикий огонек. Движения его стали еще стремительнее. Анчок едва удерживал его на поводу.

С самого начала Гучипс приказал, чтобы иикто, кроме Аичока, не подходил к коию. «Конь должен зиать только хозяина», — пояснил он.

Теперь Анчок иначе отиосился к буланому. Когда конь встречал его нетерпеливым топотом и радостным прерывистым ржанием, в груди Анчока пробуждалось теплое чувство привязанности. Теперь буланый даже стал ему казаться красивым. «Во всяком случае, ни у кого нет коня такой масти и такого склада», — примирительно думал он.

На двадцатый день Гучипс объявил, что теперь коня надо выкупать так же тщательно, как в первый раз. Когда конь обсох, он велел оседлать его и своего коня и выехал со двора в сопровождеиии Аичока. Оии направились к речке. Там Гучипс нашел усыпаниый голышом пологий берег и велел Анчоку поводить коня по этому голышу.

— Копыта у коия, — пояснил он, — должны быть крепкие, привычные ко всяким дорогам. А то бывает, так: если у коня недостаточио крепкие копыта, он в беге наступит на голыш или на твердый комок земли, сбавит бег и останется позади, иесмотря на свое явное превосходство. Так вот, сын мой, каждый день будешь приходить сюда и заставлять коия ходить по голышам. Сначала пусть походит, потом можио и погарцовать с короткого разбега.

Теперь Гучипс установил новый режим ухода за буланым. Каждый день, по утрам, Аичок должен был

промывать соленой водой подседельное место на спине коня, а затем трижды обливать его холодной водой от холки до крупа. А к вечеру тщательно обмывать бока буланого.

— Холодная вода — самое лучшее средство укрепить коня, — говорил он.

Все это Анчок исполнял, но расход соли на коня тяготил его. Тогда у адыге соль была самым дорогим продуктом, добывалась она с большим трудом. Анчок не смог скрыть от Гучипса, что ему жаль соли, но тот настоял на своем.

— Подседельное место на спине коня всегда подвержено наибольшей опасности, а соль укрепляет кожу, излечивает от потливости. Без крепкой спины конь — не конь, — заявил он.

Тренировать буланого Анчок начал с малых заездов. Шагом объезжал он ближайшие окрестности аула. По возвращении старик заставлял его обливать коню ноги холодной водой ниже колен и растирать их вниз до копыта, плавно протягивая рукой вниз.

Расстояние заезда с каждым днем увеличивалось. Дальность крика, дальность выстрела, расстояние звука выстрела, полудневной переход или дневной переход, а то и попросту расстояние между известными курганами и другими приметными местами, — так изменялась величина заезда.

— Пока только шагом! И ни в коем случае в этот первый период нельзя дать коню проголодаться или вспотеть, — наставлял Гучипс. — Если неприученный конь вспотеет при сильной езде или крепко проголодается, тогда все пропало, можно сдавать его обратно в табун, — он скоро не оправится...

Как только буланый начал выезжать, Гучипс велел кормить его овсом и сеном. «Теперь корми его, да получше. Корм пойдет впрок, — говорил он. — Да не мешает иногда давать ему проса: от проса у коня шерсть делается красивее».

И все же Анчок в душе еще не верил, что из буланого может получиться хороший конь. Он придирчиво приглядывался к нему и старался выискать хоть какие-нибудь недостатки. После одного из первых выездов он пожаловался Гучипсу:

— Какие-то странные повадки у буланого: как только выедем, он, точно мокрая собака, обязательно встряхнется, да так сильно, что чуть не выбрасывает меня из седла.

— Э, сын мой, это очень хорошо! — обрадованно возразил старик. — Когда конь в начале пути начинает широко зевать, бить в удила да раза два сильно встряхнется, это значит: у коня есть большие достоинства. Такой конь не бросит тебя на полпути, как бы долог и труден ни был путь.

Одновременно с тренировкой коня Гучипс решил потренировать и самого наездника. С некоторых пор Анчок, приходя к Гучипсу, заставал старика за работой. С топором в руках он трудился над каким-то столбом. Тщательно обтесав этот столб, он наверху оставил утолщение с двумя выступами, — их образовывали сучья. Это утолщение напоминало седло и две луки. Однажды Гучипс приказал вырыть глубокую яму в самом укромном углу двора и вкопать туда этот столб. После этого он велел Анчоку взобраться на столб, не касаясь его своим туловищем, а лишь при помощи рук и ног. Столб был невысок, всего в два человеческих роста, но гладко обтесан и потому очень скользок. В первый раз Анчок взобрался на него с большим трудом и даже вспотел.

— Молодой человек, — сказал Гучипс, — не должен чувствовать тяжести своего тела. Он должен легко, как птица, вспорхнуть туда, куда с трудом он может дотянуться рукой. Каждое утро ты будешь бороться с этим столбом, пока не расшатаешь его, а взбираться на него будешь до тех пор, пока не научишься подниматься легко, как кошка.

Гучипс сам прошел тяжелый жизненный путь тфокотля и, видно, готовил Анчока не только к осенним состязаниям. Он задумчиво сказал ему:

— Э, сын мой, нелегка доля тфокотля. Много нас, несравненно больше, чем наших врагов, но мы, занятые своим трудом, разбросаны по всей нашей земле и поэтому в столкновениях с хищниками-уорками всегда бываем одиноки. Каждому тфокотлю приходится выдерживать единоборство с волчьей стаей врагов. А они только тем и заняты, что рыщут по лесам и выслежи-

вают добычу — крестьянина. Поэтому, сын мой, у каждого тфокотля должна быть сноровка и смелость десятерых, иначе ему не отстоять свое достоинство тфокотля.

Так неумолимый старик, сгоняя с Анчока семь потов, заставлял его упражняться на столбе. Чем дальше, тем тренировка становилась сложнее. Сначала Анчок только боролся со столбом, расшатывал его и влезал на него, затем старик стал требовать, чтобы, взобравшись на самый верх столба, Анчок вставал во весь рост и держался так, а если срывался, то непременно должен был, изловчившись, ухватиться за выступы условных лук, — как угодно, но только чтоб не упасть. А это было тем труднее, что столб к тому времени уже сильно расшатался и ходуном ходил под Анчоком.

Скрепя сердце выполнял Анчок все требования строгого старика. Вначале он чувствовал себя так, точно его, взрослого юношу, вновь заставляли вернуться к детским играм. Однако очень скоро он понял, как велика польза такой тренировки. Он стал чувствовать себя в седле так же уверенно и спокойно, как и на земле, и когда Гучипс потребовал, чтоб он проскакал стоя на седле во весь рост, а затем стоя на руках вверх ногами, — это ему показалось пустяшным делом.

Иногда старик выезжал вместе с Анчоком в лес и там обучал его владеть шашкой, метать аркан, защищаться от аркана и стрелять в цель на всем скаку. Но все эти приемы, казалось бы, изрядно трудные, давались Анчоку гораздо легче, потому что он и раньше упражнялся во всем этом и теперь даже заслужил похвалу Гучипса.

Особенно поразил Анчока один прием, показанный стариком: как легче сбросить всадника с седла. Гучипс подъехал к Анчоку и схватил одной рукой его за локоть. Анчок, думая, что старик будет пытаться стащить его, укрепился в седле. Но вдруг Гучипс другой рукой молниеносно схватил его ногу ниже колена, с силой дернул назад, подтолкнул вверх, — и Анчок уже лежал бы вверх тормашками на земле, если бы старик не придержал его.

— Вот так, сын мой, в рукопашной схватке иногда полезно бывает обмануть противника и таким образом

сброснть его с седла. Рукн твон должны быть снльны, как клещн, нначе ты сам можешь оказаться на земле. Но, я вижу, у тебя достаточно силы в руках, нужно только прибавнть ловкостн.

Тем временем буланого продолжали объезжать. На пятнадцатый день Гучипс сказал, наконец, что «пора делать коню бег», н установнл порядок беговых заездов. Сначала небольшне, перемежаемые шагом, пробеги на рысн, затем бег, перемежаемый рысью. Длнна бега постепенно увелнчивалась. Наконец Гучипс ввел бег по распаханному полю. В этих заездах Анчок стал понимать ценность своего коня. У него еще не было случая пробовать буланого в состязаннн с другнм конем. Но ни на одном коне до снх пор он не нспытывал такого ощущення быстроты, как на буланом.

Когда заезды настолько увелнчнлись, что Анчок стал отъезжать от аула на значнтельное расстояние, Гучнпс посоветовал ему нспользовать этн поездкн, изучать все окрестные дорогн н глухне лесные тропы, а также прнучнть коня безошнбочно находнть обратную дорогу. Однажды Гучнпс сам выехал вместе с Анчоком и показал ему переход через болотнстую пойму Кубани, простиравшуюся далеко на север за рекой Афнпс, между землямн шапсугов и бжедугов. Путь был очень опасный, он пролегал через топкне болота — чуть ошибешься н свернешь, попадешь в тряснну.

— К иам опасность, — сказал Гучипс, — всегда приходнт из страны бжедугскнх князей н уорков. Эта дорога через болото мало кому известна, а между тем она намного сокращает путь нз Бжедугнн к иам. Запомнн этот путь н прнучн своего коня находить его днем н ночью. Может случнться, эта тропа выручнт тебя в трудную мннуту.

Когда прошло полтора месяца после первого выезда коня, Гучнпс велел Анчоку совершнть однодневную поездку до реки Абнн.

— Полдня туда, полдня обратно, — сказал он. — Не забудь правнла езды. Выехав на сытом коне, сильно не утруждай его в начале пути. Шагом проедешь расстояние не меньше, чем на два звука выстрела, н только после этого можешь не жалеть коня. Еслн сделаешь в путн остановку, ослабь коню подпругн, несколько раз

похлопай его седлом по спине, но — ни в коем случае не трогай рукой потную спину под седлом! Не корми разгоряченного коня, пока он совсем не остынет, подтяни поводья и привяжи их повыше, чтобы конь, будучи разгорячен, не мог взять в рот ни соломинки. В пути коня можно поить только тогда, когда тебе предстоит еще проехать расстояние не меньше, чем на три звука выстрела, чтобы конь мог снова разгорячиться. Обычно адыгский щагди, натренированный и справный, мало пьет воды.

Выслушав длинные наставления Гучипса, Анчок на восходе солнца тронулся в путь. Вернулся он затемно. А когда на утро Анчок пришел к Гучипсу, тот, чем-то очень довольный, с таинственным и значительным видом повел молодого человека в конюшню.

— Посмотри-ка, заметно ли по коню твоему, что он вчера проделал трудный дневной переход?

Буланый встретил хозяина обычным нетерпеливым топотанием и прерывисто - радостно заржал; дикий зеленый огонек вспыхивал в его энергичных, навыкате, глазах Никаких признаков утомления или вялости в нем нельзя было заметить. Конь шумно и весело всхрапывал, бил копытами и неистово метался в стойле.

— Нет, ничуть не заметно! — восхищенно ответил Анчок, не отводя глаз от коня. Только сейчас он в полную меру поверил в своего коня и почувствовал, как в душе его поднималась теплая волна настоящей любви и благодарности.

— Нальмес, мой Нальмес! — ласково и тихо позвал он коня. Но, вспомнив, что рядом с ним стоит Гучипс, он спохватился и добавил: — Красавец мой!

Анчок никогда при посторонних не называл буланого кличкой, которую дала ему Гулез, и кличка «Нальмес» оставалась тайной, известной трем людям — Гулез, Нане и самому Анчоку.

— Нет, это удивительно, что у буланого после такого перехода нет и признаков утомления! — произнес Анчок, любовно разглядывая своего коня.

— Это значит, что твой конь уже по-настоящему налажен и справен, — сказал Гучипс. — Теперь можешь отвести его к себе домой. Да принесет тебе этот конь счастье и победу над всеми врагами. Только вот еще,

к чему следовало бы приучить тебе коня. Ты видел, у табунщиков есть особо приученные кони, так называемые «арканчеш». Конь-арканчеш выучен так, что когда табунщик, сидя на нем, заарканит дикого коня, а тот, вырвавшись, ускачет, волоча за собой аркан, то куда бы ни поскакал заарканенный конь, повсюду будет следовать за ним конь-арканчеш, пока табунщику не удастся на всем скаку подхватить конец аркана. Но, почувствовав, как в руках табунщика натягивается аркан, арканчеш постепенно замедляет бег, — и вдруг останавливается, как вкопанный, упершись всеми четырьмя ногами. Вот почему с помощью такого коня табунщики легко осаживают самую сильную и дикую лошадь и, бывает, опрокидывают ее назад с перехваченной шеей.

— Так вот, все это я рассказываю к тому, что лошадь — умное животное, ее можно приучить ко всему. И некоторые наездники, опытные, бывалые, конечно, приучают своих коней ударом грудью опрокидывать всадника. Для этого нужно только приучить коня, чтобы он по особому твоему знаку выбрал момент и, приноровившись, неожиданно ударил грудью в бок всадника. Когда конь умело к этому приучен, такой удар совершенно безопасен для него самого, потому что он сам приучается достаточно приумерить бег и у него получается не удар, а натиск грудью. А этот прием очень полезен бывает в схватках верхом. Так вот, сын мой, ты в своих выездах понемногу приучи своего коня и к этому приему.

— А к скачкам, — добавил он, — будем особо готовить коня, когда подойдет время.

VII

Вскоре после того, как Анчок отвел коня к себе домой, наступила пора летних полевых работ. Анчок днями работал в поле. Нальмес большей частью оставался дома.

Однажды, когда Анчока не было дома, Гулез торопливо зашла к Нане. В руках ее был маленький узелочек. Гулез недолго подчинялась запрету посещать дом Анчока. Вначале этот запрет ошеломил ее, точно неожиданно накинутый аркан, но, придя в себя и обду-

мав создавшееся положение, она поняла, что ее хотят лишить последней возможности без посредства посторонних лиц общаться с Анчоком, и повела неторопливую и тщательно обдуманную борьбу за свою свободу. Она храбро выдержала несколько жестоких стычек со своими домашними, и даже с самим Камбулетом, грозным и деспотичным. Наперекор всем она заявила:

— Делайте со мной, что хотите, но я не могу оставить без слова участия Нану в ее горе. Ведь я видела от нее ласки и радости больше, чем от всех вас, моих родственников.

Так она завоевала себе право хоть изредка бывать у Наны.

Сегодня, торопливо войдя в дом, Гулез после первых слов приветствия спросила Нану:

— Конь Анчока дома?

— Да, в конюшне... — ответила Нана, удивленная нетерпеливым интересом девушки к коню.

— Покажи его мне, Нана, душа моя, — продолжала Гулез, не соглашаясь даже присесть.

Нана ничего не возразила, пытливо взглянула на девушку и повела ее в конюшню.

— Только осторожно, близко не подходи: он, как дикий зверь, никого, кроме хозяина, не подпускает, — предупреждала Нана, открывая дверь конюшни.

Гулез впервые увидела Нальмеса. Да и немногим, пожалуй, довелось увидеть буланого после того, как Анчок привел его к себе. Он все время держал коня в конюшне, выезжал со двора только по вечерам, и то через потайной лаз в задворьи. То ли он боялся за коня, то ли у него была какая-то своя цель.

Став на пороге конюшни, Гулез долгим взглядом, полным глубокого затаенного интереса, рассматривала буланого. Конь настороженно вскинул голову и тоже застыл, внимательно разглядывая незнакомку.

Гулез позвала:

— Нальмес!

Конь еще более насторожился, неуверенно, коротко заржал и снова замер, до предела напрягая уши.

— Нальмес! Несравненный красавец, мой Нальмес! — полились тихие, идущие из глубины души, воркующие звуки.

Конь вдруг снова прерывисто-тихо заржал и, радостно топоча, неистово заметался в стойле. Гулез с протянутой рукой пошла прямо к коню.

— Не подходи, душа моя! Стань вот там, за перекладинами стойла, — крикнула ей вслед Нана.

Но девушка уверенно прошла за перекладины и вошла в стойло, продолжая лепетать нежные слова. Конь притих, шумно вдыхая воздух, обнюхал девушку, наклонил голову и стал мягко тереться мордой о ее плечо. Гулез обняла коня за голову, достала из узелка сдобный хлебец и на ладони поднесла его к морде буланого.

Видя, как этот неподступный конь упругими подвижными губами смирно и кротко подбирал крошки хлеба с ладони девушки, пораженная Нана, стоя в безопасном отдалении, воскликнула:

— Это прямо-таки чудо! Более поразительного я никогда ничего не видала. Вот уж сколько дней, когда сына нет дома, я ухаживаю за ним, и до сих пор этот дикий конь не привык ко мне. А тут...

Гулез ушла. Нана провожала ее молча. Она чувствовала, что то, свидетелем чего она была сейчас, не было простым любопытством со стороны Гулез. В проникновенном голосе ее, каким она так ласково звала коня, Нана услышала отзвуки каких-то тяжелых переживаний, услышала тоску и мольбу... Но о чем? И эта сегодняшняя необычная торопливость... Нана чувствовала какое-то тревожное смятение в душе девушки.

А сердце Гулез в эти дни действительно было полно тоской и смятением. Произошло то, чего она больше всего опасалась.

У Гулез было много поклонников. Некоторые из них, не надеясь на успех, выражали свое расположение к ней в виде принятого у адыге мнимого шуточного сватовства; другие под видом той же шуточной игры пытались всерьез добиться ее расположения. Гулез уклончиво острословила со всеми, ловко избегала опасности, ни разу не проронив опрометчивого слова, которое можно было бы истолковать, как обещание. Ей удавалась эта игра, потому что она, не чувствуя угрозы для своего счастья, вела ее со спокойным сердцем и ясной го

ловой. Ей даже казалось занятным подобное состязание, так как в скрещении оружия слова она неожиданно для себя самой проявляла большую остроту ума и находчивость. И поклонники ее, несмотря на то, что она не давала никому из них повода надеяться на победу, получали удовольствие от беседы с ней. Гулез по своему нраву не имела склонности к афористически-колкой манере разговора, обычно применявшейся девицами, прославленными за свое остроумие. У нее был мягкий, пожалуй, даже тихий до робости нрав, а сила ее ума была в способности просто, ясно и стройно мыслить. Ее голос, грудной, бархатистый, проникнутый душевной чистотой и искренностью, был созвучен ее прелестному нраву. Собеседники, восхищенные грацией гибкого девического ума, просиживали целые дни напролет в ее гостевой. Много перебывало у нее гостей из соседних и дальних аулов; к ней приезжали из самых отдаленных краев адыгской земли. Многие поклонники, уезжая, разносили хвалу о ней и никогда больше не появлялись в гостевой Гулез. Это были люди из народа, с открытой честной душой, со спокойным светлым взором, и каждый из них чем-то напоминал Гулез нетускнеющий образ дяди Моса. Они умели бескорыстно от всей души восторгаться красотой и умом, умели глубоко ценить высокие человеческие достоинства.

Но были в гостевой Гулез и другие посетители. Это были уорки. Гулез научилась с первого взгляда распознавать их, — всем своим обликом они резко выделялись среди людей из народа. Надменная уоркская спесь, всегдашняя вороватая настороженность и неспокойные мрачные взоры хищников, — на них словно лежала печать злых их помыслов. Эти люди приносили к ней не чувство искреннего благожелательства, а, как в этом скоро убедилась Гулез, коварные намерения покорить ее и подчинить себе или, если это им не удастся, унизить ее авторитет. Громкая слава, которую завоевала простая девушка, да еще всем сердцем преданная своему народу, была им не по душе. Особенно отличались уорки из Бжедугии и Темиргои. С ними Гулез приходилось всегда быть настороже. И она сама умела вкладывать в свои ответы изрядную дозу иносказательного яда. Однако ни в одном из них Гулез пока не видела угро-

вы своему счастью — в родной Шапсугии их злые руки были коротки.

Но вот с недавнего времени в родной аул Гулез прибыл человек, появление которого девушка предвидела. Ни на один день не покидал ее страх ожидания этого человека. Приехал он из Бжедугии в гости к ее брату Камбулету. Это был бжедугский уорк по имени Аледжук, и, судя по тому, как раболепствовал перед ним Камбулет, он происходил из какого-то сильного рода. Камбулет очень дорожил его дружбой.

Вначале Аледжук не проявлял к Гулез никакого интереса. В первый его приезд они даже не виделись. Гулез все время находилась в отведенной ей для приема многочисленных посетителей комнате — девичьей гостевой, а гостя поместили в мужской кунацкой, предназначенной для приезжих, которая построена была несколько поодаль от дома. Заботиться о гостях, живших в этой кунацкой, должны были младшие братья Гулез, сама же она, занятая посетителями, была избавлена от этого. Гулез там появлялась редко, делая исключение для особо почетных, престарелых гостей.

Но спустя полмесяца Аледжук приехал снова и сам посетил девичью комнату Гулез. «Я и не подозревал, что у моего друга Камбулета такая знаменитая сестра, — заявил он, — поэтому в первый свой приезд и не повидался с тобой». Он посидел недолго, пошутил и скоро ушел.

После этого посещения Аледжук, казалось, исполнив долг вежливости, больше не вспоминал о Гулез. У него с Камбулетом были какие-то тайные дела: они то и дело уезжали вместе неизвестно куда на довольно длительные сроки. Возвращаясь из этих поездок, Аледжук иногда целую неделю гостил у них, а потом они снова уезжали. По всему его поведению можно было подумать, что он вовсе не интересуется Гулез. Но, несмотря на это, с первого же появления Аледжука Гулез почуяла в нем угрозу своему счастью. Как-то он еще раз зашел к ней и в шутливом тоне упрекнул ее, что она, хоть известная девушка, а не выполняет своего долга гостеприимства и пренебрегает гостем. Так поговорил он, удостоил девушку нескольких снисходительных шуток и ушел.

Поездки Камбулета и Аледжука продолжались. А между выездами Аледжук стал гостить все чаще и дольше. Однако он попрежнему не проявлял интереса к Гулез. Самого Аледжука посещали только те из шапсугов, которые, как Камбулет и Шеотлуко, приравнивали себя к уоркам и вели уоркский образ жизни.

Из своих поездок Камбулет и Аледжук часто пригоняли коней. Однажды они пригнали целый косяк. Лошадей они тут же у себя во дворе продавали, и во время торга здесь толпилось много людей. Необученных коней тут же на базу ловили и сразу седлали. Все время раздавался резкий, жесткий голос Аледжука. Стоило кому-нибудь допустить малейшую оплошность, как он тут же начинал издеваться и отпускал едкие насмешливые замечания в адрес оплошавшего. А когда попадался неукротимый конь, с которым никто не мог справиться, Аледжук сам брался укрощать его. Надо признать, — наездник он был, действительно, искусный и смелый.

Гулез все время не покидало предчувствие беды, и она, сама того не замечая, неотступно следила за своим будущим врагом. Она чувствовала, что хоть он и притворяется безразличным к ней, однако все время не выпускает ее из поля зрения. И во всех его повадках, в его нарочито громких и властных окриках Гулез видела рисовку, предназначенную для нее.

Аледжук был высок ростом, сухощав и плечист, надменная уоркская спесь так и лезла из него. В разговоре с людьми он был заносчив и резок. Он весь кичливо топорщился, точно ерш, — и особенно руки его: они никогда не лежали покойно, с выражением скромности и уважения к другим, он — то ли облокачивался, то ли подбоченивался — всегда остро выставлял локти. Его широкие угловатые плечи были кичливо вздернуты. Но больше всего Гулез поражало постоянно жестокое и злобное выражение его лица, язвительный изгиб его тонких губ. Аледжук вызывал у нее такое же содрогание души, какое испытывала она однажды в присутствии молодого княжича Болотокова.

Гулез с опаской следила за Аледжуком и все ждала от него беды.

Однажды, вернувшись из длительной поездки, Аледжук прислал ей через ее младшего брата подарок — кусок шелковой ткани, — такую ткань можно было приобрести только на берегу моря. Гулез не приняла подарка и вернула его обратно. Тогда в ее кунацкую явился сам Аледжук с куском ткани на руках, его сопровождал тот же младший брат.

— Судя по твоему уму, — сказал Аледжук, — я не думаю, чтобы ты не понимала смысла своего поступка. Так за что же ты хочешь так обидеть меня? Чем ты недовольна?

— Я недовольна тем, что этим подарком ты хочешь заплатить за наше гостеприимство, — отвечала Гулез. — Иначе твой поступок никак нельзя объяснить, — ведь между нами не было такой дружбы, которая побудила бы тебя делать мне подарки. Но говорят, что тот, кто старается заплатить за гостеприимство, сам не гостеприимен. Выходит, что не я тебя обижаю, а ты пытаешься обидеть нас.

Озадаченный Аледжук минуту постоял молча, затем сам, без приглашения, сел и после довольно длительного раздумья ответил:

— Признаюсь, что упрек твой справедлив: я, увлекшись нашими мужскими делами, действительно, не догадался во-время выразить свои чувства к тебе. А сейчас, поскольку ты так откровенно упрекнула меня в невнимании к тебе, я отвечу тебе так же открыто: вместе с этим лоскутом шелка я предлагаю тебе в дар и свое сердце, и ты должна сейчас же, немедля, ответить мне с той же откровенностью, с какой ты упрекнула меня.

Гулез похолодела от ужаса: она не ожидала, что он так круто начнет наступление. Ошеломленная и испуганная, она некоторое время стояла молча, перебирая в смятении мысли. Как лучше отвести опасность, надвинувшуюся так неожиданно?

— Я уже объяснила тебе, почему не могу принять от тебя подарка, — ответила она наконец. — Но и второго твоего дара — сердца твоего — я также принять не могу, и вот почему: этой весной я всенародно объявила о состязаниях шапсугской молодежи. И в награду победителю я назначила свое сердце. С тех пор я не вольна собой распоряжаться.

С этого и началось открытое и настойчивое сватовство Аледжука. Отказ Гулез и ее доводы он принял сперва за обычное девичье кокетство, но, увидев, что она серьезно сопротивляется, он решил избрать другой путь. Вмешался брат Камбулет. Это и было страшнее всего для Гулез. Камбулет верховодил в семье, и хотя Гулез знала, что старики-родители не одобряли его связей с бжедугскими уорками, ему в конце концов несомненно удалось бы уговорить стариков. Страшная угроза нависла над счастьем Гулез, и она решила сразу же дать Камбулету резкий отпор. Межу нею и братом произошла серьезная стычка. Камбулет с обычной своей грубой бесцеремонностью заявил, что он не мальчик и потому никогда не поверит такому доводу, как слово, данное народу. Все это чепуха: какое дело народу до его сестры; он волен распоряжаться судьбой своей сестры, и ему виднее, в чем ее счастье. Но тут Гулез пригрозила ему:

— Да, я знаю, для тебя мнение народа ничто, ты даже гнушаешься своего доброго звания тфокотля. Смотри, ты своей глупой заносчивостью накличешь на себя гнев народа. Полбеды, что ты накличешь его на себя, но и на нас — на всю семью нашу ты накличешь беду. Не забудь о судьбе Шеретлуковых, которые так же вот, как ты, зазнались и пытались бесчинствовать, не считаясь с мнением народа. Ты можешь не считаться с народом, но для меня нет ничего выше мнения нашего народа, и я буду верна слову, которое дала ему. А если ты вздумаешь силой заставить меня нарушить это слово, то я не посмотрю, что ты мой брат, и призову народ, пусть он рассудит нас с тобой.

Так началась отчаянная борьба Гулез, одной против всей семьи. Ее угроза обратиться к народному суду подействовала на Камбулета. Он и так чувствовал, что в ауле недовольны его связями и его поведением, и втайне давно побаивался вспышки всеобщего гнева. Однако эта угроза не заставила его отступить. Его так увлекла мысль породниться с этим могущественным среди бжедугских уорков родом, что никакие разумные доводы не могли заставить его отрешиться от этой мысли. Он решил взять Гулез измором, надеясь, что она покапризничает, посвоевольничает, а потом, как обычно бы-

вало со всеми девушками, у нее не хватит сил продолжать борьбу и она сдастся. А если попробует упорствовать, право старшинства в своей семье остается за ним.

Вдобавок ко всему, Гулез, поддавшись желанию отомстить Болотокову за его обидные слова, послала ему вызов на участие в осенних состязаниях шапсугской молодежи «Пусть не на словах, а на деле покажет он свое превосходство», — передала она через Шеотлуко. Княжич не удостоил ее ответом Но Шеотлуко, который, видно, имел постоянную связь с Болотоковым, передал ей таящие мстительную угрозу слова княжича: «Невоспитанность этой зазнавшейся дочери шапсугов доходит до того, что мне, князю, предлагает она состязаться с какими-то там шапсугскими парнями! Передай ей, что лучше всего она может испытать, чего стоят ее шапсуги, когда ей самой придется в самом недалеком будущем понести кару за неуважение к чести князя. Рано или поздно, но я вырву ее нескромный распущенный язык!»

VIII

К концу лета по всему шапсугскому междуречью пронесся слух, что в предгорьях, где проходят главные дороги к торговым пунктам на берегу моря, появился таинственный всадник. Говорили, что всадник этот нападает на уорков, которые гонят пленников на берег для продажи, и, освободив пленников, отдает им отнятых у уорков коней и отпускает на волю.

Слухи эти подкреплялись все новыми и новыми вестями о подобных происшествиях. Подробно описывали поведение и наружность неизвестного всадника. Рассказывали, например, что у этого всадника необыкновенный конь буланой масти, что сам всадник одет в короткую получерkeску-полубешмет из серого крестьянского домотканного сукна, с нашитыми газырями, а на голове его крестьянская шапочка с низким меховым околышком. Зато оружие у него богатое, некоторые даже говорили, что у него несколько пистолетов. И еще рассказывали, будто он сперва приказывает уоркам

слезть с коней, потом велит развязать пленникам руки и передать им поводья уоркских коней. А тот из уорков, кто вздумает взяться за оружие, в мгновение ока оказывается поверженным на месте или убитым.

Потом слухи эти стали обрастать всякими небылицами. Находились такие горячие поклонники неизвестного всадника, которые утверждали, что пуля его не берет и что не иначе как у него есть друзья - помощники из белых джинов [1], а то как же, мол, он узнает, по какой тропе, в какой день уорки прогонят пленных? К тому же, — добавляли они, — уорки с пленными проезжают по шапсугской земле только глубокой ночью и тайком, потому что боятся шапсугов. Но тут же находился какой-нибудь здравый человек, который возражал этим горячим фантазерам: «И совсем он не джин и не шайтан, а такой же человек, как мы с вами, из плоти и крови, только человек мужественный и сердце у него справедливое и горячее, потому он и не может спокойно лежать на постели, когда уорки безнаказанно творят зло. Впервые, что ли, в нашем крае мужественный тфокотль, побуждаемый гневом против уоркских бесчинств, встает на единоборство с ними? Никаких помощников-джинов у него нет. Но зато найдется сколько угодно людей, которые готовы будут помочь человеку. Да в той же княжеской Бжедугии крестьяне не меньше нас ненавидят уорков и князей. Разве эти крестьяне, так же, как вот мы с вами, не будут готовы помочь ему во всем, если доведется? Вот он и находит людей из народа, которые сообщают ему обо всем. На земле нашей много пастухов, которые тоже всегда готовы помочь ему...»

Дошли эти слухи и до аула, где жила Гулез... Както в одной из кунацких зашел разговор о неизвестном всаднике. Один из присутствующих высказал догадку:

— Судя по тому, как рассказывают, всадник этот очень походит на нашего Анчока, сына покойного Моса. И конь у него буланый, необыкновенный конь, стоящий.

---

[1] Джины — духи. По поверью адыге, существовали двоякого рода джины: белые джины — добрые к человеку; черные джины — враги человеку.

— И вправду похож! — с горячностью подхватил другой.

— Похож-то похож, — возразил третий, — но мало быть только похожим, надо уметь стать таким мужественным. Куда бедному юнцу до этого всадника. Он, пожалуй, за всю жизнь ни разу не отъезжал так далеко от аула.

— Нет, не говори так, — вмешался самый старший. — Анчок парень не глупый и не трусливый. А понятие о чести тфокотля у него есть. Только замкнутый он очень и потому трудно сразу разглядеть, на что он способен. Если уж можно из нашего аула кого удостоить сравнения с тем всадником, то только Анчока. Я тоже сперва подумал было — в самом деле, не он ли? Но все-таки мало вероятного, чтобы это был Анчок. Парень целые дни у нас на глазах занят работой: или в поле, или у себя во дворе. А до тех мест, где, по рассказам, происходят эти случаи, полдня дороги от нас, и нет у нас в ауле такого коня, который смог бы за короткую летнюю ночь проделать такой путь туда и обратно и чтобы это было по нему незаметно. Я даже захаживал к Анчоку, чтобы проверить свои догадки, и видел его коня. А в ту ночь, когда произошло последнее убийство уорка в местности Чууч, Анчок весь вечер допоздна провел вместе с нами. Какой конь за короткие часы летней ночи смог бы проделать такое расстояние? На утро я снова зашел к Анчоку и видел в конюшне его буланого. Нет, конь, который проделал за ночь такой дальний путь, не мог быть таким свежим и бодрым.

Однако догадки эти, такие робкие вначале, оказались живучи. Анчока окружала безмолвная слава, его всюду встречали с пытливым вниманием и молчаливым почтением.

Сам Анчок за последнее время, казалось, вдруг вырос и возмужал. Мягкий, черный пушок обрамлял его подбородок, его юное, миловидное, округлое лицо прочертили волевые линии. Держал он себя молчаливо и скромно, но в спокойной твердости его поступи и в вольном размахе широких плеч чувствовалась большая сила воли и уверенность в себе. Он стал по-настоящему мужественно-красив.

Как-то у Гулез сидел Аледжук. Он пришел в сопровождении ее младшего брата. Вскоре вернулся домой Камбулет, который был в ауле. Он редко заходил в комнату Гулез и никогда не бывал там вместе с Аледжуком. О замужестве он говорил только наедине с нею, как бы без ведома Аледжука, а сам от себя.

На этот раз Камбулет зашел в общую кунацкую и, не найдя там Аледжука, пришел за ним в комнату Гулез.

— Слухи о похождениях этого неизвестного всадника похожи на правду! — воскликнул он, входя в комнату.

— Если это и правда, то он будет действовать до тех пор, пока не натолкнется на настоящего мужчину... — проговорил Аледжук с безразличным высокомерием, всем своим видом стараясь показать, что всадник этот мало его занимает. — Недолго ему так гулять...

— Меня разбирает охота попробовать, так ли крепко сидит он в седле, как рассказывают, — сказал Камбулет с обычным бахвальством. — Почему бы нам с тобою не образумить этого наглеца, а? Занятное будет дело!

— Может быть, мы и займемся им как-нибудь, когда без дела соскучимся... — пренебрежительно-вяло протянул Аледжук.

Вскоре гость с Камбулетом ушли к себе в кунацкую, оставив Гулез в смятении. По этому короткому разговору, с каким бы пренебрежительным видом ни вел его Аледжук, Гулез поняла, что оба они весьма обеспокоены похождениями неизвестного всадника и что наедине много и серьезно рассуждают о нем. Из их намеков она поняла также, что они замышляют затянуть вокруг всадника какую-то коварную петлю.

Когда они ушли, Гулез улучила удобный момент и тотчас же побежала к Нане.

— Нана, золотая моя Нана, как я боюсь за Анчока! — воскликнула она, бросаясь в ее объятия. — Уговори его хотя бы на время прекратить свои похождения. Волки уже напали на его след и готовят ему западню.

— Ненаглядная моя, я сама не нахожу себе места, чует мое сердце беду, каждую ночь провожу я в страхе. Раньше я жила в вечном страхе за покойного. Думала, хоть под старость буду жить спокойно, но, видно, не суждено мне изведать покоя.

— Ты упроси его хоть на время прекратить свои выезды. Если не может он их совсем прекратить, то пусть выезжает время от времени, не очень часто.

— Он стал такой замкнутый: сколько я ему ни говорю, сколько ни прошу его, он отмалчивается, стараясь уклончивыми ответами и лаской усыпить мою тревогу. Трудно от него слова добиться. Но мне удалось одно: он обещал мне, по возможности, избегать столкновения с твоим братом, а если и придется столкнуться, то пощадить его. Он сам, видно, понимает, что ему нельзя вступать во вражду с Камбулетом.

В эти дни Гулез в своей безмерной любви и в столь же безмерной тревоге за жизнь любимого поняла то, что творилось в душе Наны. И тем сильнее терзалась душа Гулез, что ведь это она сама толкнула Анчока на этот путь, это она так страстно и настойчиво хотела, чтобы он стал таким. Но каким опасным и тяжелым оказался путь доблести! Любовь ее возникла из детской дружбы, была скреплена светлыми воспоминаниями юности и, не испытав больших потрясений, спокойно теплилась в ее душе. До сих пор она относилась к Анчоку как к другу детства, не более, — несколько даже снисходительно, как к неопытному, маленькому и капризному и, все же, самому родному и милому. До сих пор ее любовь не затрагивала мирно дремлющего в ее душе глубокого чувства. Но вдруг ее юный и, как ей казалось, еще совсем слабенький дружок стал мужественным и доблестным всадником и так высоко вознесся на крыльях людской молвы, что чувство ее внезапно вспыхнуло со всей пылкостью. Теперь она готова была преклониться перед ним.

И заметалась Гулез в леденящем душу страхе за жизнь любимого. Часто прибегала к Нане, делилась с нею своими тревогами, не то шла в конюшню к Нальмес и расточала ему ласки, как бы через него передавая их Анчоку. В отчаянии у нее появилась даже решимость позвать на помощь Хатхе Мхамата. На это ее

натолкнул сам Хатхе, который через проезжавшего гостя послал привет Гулез и передал слова: «Прекрасная Гулез и мой юный друг Анчок пусть вспомнят обо мне, когда перед ними встанет черный день». Но Гулез узнала, что Хатхе недавно выехал в Кабарду.

Тревога Гулез усилилась, когда Аледжук и Камбулет каждую ночь стали выезжать из дому. Обычно возвращались они к утру, но иногда запаздывали и до полудня. Глядя, как они, настороженно-молчаливые, выезжали со двора, Гулез безошибочно угадывала цель их поездок. В такие ночи она не смыкала глаз и свободно вздыхала лишь после того, как оба всадника возвращались к ним на двор и она по их угрюмым лицам убеждалась, что их снова постигла неудача. По ночам, беспокойно ворочаясь на постели, Гулез напряженно ловила каждый звук, доносившийся со двора. Часто ее утомленное воображение рисовало ей страшные картины: ей мерещилось, будто тени двух всадников, смутные, зловеще-молчаливые, крадучись въезжают во двор Наны и кладут под тем большим дубом, что растет перед домом, что-то длинное, покрытое черной буркой... Точно так привезли когда-то тело покойного Моса... Вздрогнув, Гулез с глухим стоном поднимала голову с подушки и, вся похолодев, долго сидела, прислушиваясь. А иногда ей чудилось, что со стороны дома Наны доносится плач, и она в беспамятстве кидалась к двери, натыкаясь в темноте на вещи, и, прильнув лицом к холодному дверному косяку, надолго застывала, напряженно вслушиваясь.

После одной такой, особенно зловещей ночи, когда (Гулез это знала) Анчок тоже уехал, утром в пору первого солнцегрева вернулся Камбулет, мрачный и злой, и привел на поводу коня Аледжука. Самого Аледжука с ним не было...

Гулез ахнула и застыла в дверях, едва сдерживая крик радости, готовый вырваться из ее груди.

Поставив коней в конюшню, Камбулет, даже не заходя в дом, тотчас же отправился во двор к Анчоку. Он сердито и громко позвал его. Анчок, который в это время был занят какой-то работой в пчельнике, неторопливо пошел ему навстречу.

— Милости прошу, Камбулет, заходи в дом!

Но Камбулет не ответил на приглашение, а долго и подозрительно оглядывал Анчока и, наконец, строго спросил:

— Ты где был этой ночью?

— Где же, как не дома...

— Ты же выезжал вчера вечером, люди видели!

— Так это я не надолго, лишь для того, чтобы немного поразмять коня, — невозмутимо отвечал Анчок.

Камбулет еще раз мрачно и недоверчиво оглядел Анчока.

— А ну-ка, покажи мне твоего хваленого коня! — сказал он и решительно направился к конюшне.

Буланый, прибранный и вычищенный, деловито похрустывал сеном. Камбулет долго неприязненно разглядывал коня, затем медленно, выразительно пожал плечами, удрученно шумно вздохнул и, не сказав больше ни слова, ушел, озабоченный и торопливый.

Вернувшись домой, Камбулет потребовал, чтобы его поскорей накормили и приготовили в дорогу. Поев, он поспешно выехал с конем Аледжука на поводу, такой же мрачный и злой.

Только через две недели вернулся Камбулет, и вернулся вместе с Аледжуком. Но теперь Аледжук выглядел иначе: он был болезненно бледен, на виске и на щеке его видны были несколько затягивающихся шрамов и он не казался таким высокомерным — напоминал побитую собаку. Но что произошло с ним в ту ночь, так никто и не узнал. По аулу ходили смутные догадки, но ничего определенного никто сказать не мог.

А вскоре произошел в ауле случай, после которого люди вовсе позабыли об Аледжуке. Конь Шеотлуко прискакал домой без седока. Поднялась тревога, и родственники выехали на поиски самого Шеотлуко. Его нашли прикрученным к дереву подле самой большой дороги. На расспросы людей Шеотлуко смущенно ответил: «Нападающий врасплох всегда может подстеречь момент оплошности у любого, даже самого опытного воина». Более никаких разъяснений от него не могли добиться. Всеведающая молва и в этом случае не смогла осветить то, что произошло с Шеотлуко. Однако все в ауле были убеждены, что и этот случай тоже дело рук

неизвестного всадника. Люди высказывали лишь сожаление о том, что всадник этот так мягко обошелся с Шеотлуко, который, по их мнению, заслуживал более суровой кары и за свои бесчестные дела, и за темные связи с враждебными шапсугам уорками других племен.

Шеотлуко, конечно, узнал того, кто опрокинул его вместе с конем и, не дав опомниться, связал тонким, крепким кондэг[1], хотя тот был неузнаваемо переодет и голова его была обвязана башлыком. Но такого матерого волка, как Шеотлуко, не могло обмануть и то, что по виду коня Анчока нельзя было узнать, сколько проскакал он за ночь. Шеотлуко не впервые имел возможность убедиться в том, что конь, отобранный и выезженный старым Гучипсом, способен на многое. Затаив злобу, Шеотлуко стал подстерегать Анчока и послал княжичу Болотокову весть о том, что «появился конь, достойный князя».

Княжич Болотоков поддерживал дружеские связи с некоторыми из шапсугских уорков — для облегчения проезда по враждебной Шапсугии к работорговым пунктам на берегу моря он нуждался в их помощи. Они также принимали участие в разбойничьих набегах этого хищника. В своих темных делах Болотоков особенно тесно связан был с Шеотлуко. Княжич при посредстве своих лазутчиков постоянно сносился с ним, у них были даже условленные места для тайных встреч за речкой Афипс, на границе шапсугской земли.

После случая с Шеотлуко вести о новых похождениях неизвестного всадника заглохли. Казалось, тот исчез так же, как и появился, — неведомо откуда и куда. Как раз в эту пору в ауле начали свозить сено с отдаленных полян и лужаек. Исстари заведено было так, что полевые работы производились всем аулом одновременно, — наверное, обычай этот возник из необходимости быть всегда готовыми к защите от нападения врага. Одновременно всем аулом производилась и весенняя вспашка, и прополка, и уборка хлебов. Так и теперь, все мужское население аула с вечера уезжало в лес. Устроившись на ночь на какой-либо поляне, лю-

[1] Кондэг — неширокий, крепкий ремень длиною около трех метров.

ди ночью под вооруженной охраной пасли быков, а на рассвете возы с сеном целыми караванами двигались в аул.

Анчок, взяв себе на пару сына Гучипса, тоже возил сено. В дни, когда Анчок не предполагал возвращаться ночевать домой, он оставлял буланого в конюшне у Гучипса. Но однажды случилось так, что они рассчитывали вечером вернуться домой, а задержались на ночь в лесу. Буланый так и остался стоять в конюшне Анчока. Шеотлуко, зорко следивший за Анчоком, воспользовался этой его оплошностью. В полночь неизвестные люди закрепили снаружи двери дома Анчока, заперли таким образом его мать внутри дома и увели буланого. Когда старушка вырвалась из заточения и подняла крик, конокрадов и след простыл. Сбежались люди, в большинстве соседки. Из мужчин оказались в ауле только Аледжук и Камбулет, все мужчины были на лесных полосах. Гулез, конечно, прибежала первой и крепко держала в своих объятиях Нану. Женщины, не зная, что предпринять, беспомощно стояли и глядели на распахнутые двери пустой конюшни. Камбулет и Аледжук не проявляли никаких признаков желания чем-либо помочь. Подошли еще несколько стариков.

— Как же они так без стука и без шума выбили клинья засовов? — задал вопрос Камбулет.

Никто не нашелся, что ответить. В те времена еще не было замков и двери запирались засовами, которые закреплялись прочными клиньями. По вечерам, в ту пору, когда запирались двери, в ауле поднимался неистовый перестук обухов о клинья, утром с таким же грохотом клинья выбивались обратно. И сейчас люди недоумевали, как же это воры могли выбить клинья без всякого шума и никто ничего не услышал.

Но Аледжук оказался сведущ в подобных делах: он указал на тяжелое бревно, брошенное возле конюшни, и сказал:

— По всему видно, опытные люди: видите это бревно? Под напором тяжести этого бревна они бесшумно выдавили клинья. — И добавил пренебрежительно: — Велика беда — конь! Я думал, здесь кого задушили! — И он ушел, сопровождаемый Камбулетом.

Безмерно было горе Анчока. Но не меньший удар случившееся несчастье нанесло и Гулез. После потери Нальмеса она почувствовала себя так, точно подрезали крылья ее мечты, которая уносила ее к счастью. Теперь, неспособная ни улететь, ни убежать, она оказалась всецело во власти Камбулета и Аледжука — и ей казалось, им стоит только подойти и, как подбитую птицу, небрежно взять за перебитое крыло и унести.

Анчок на следующий день попросил у Гучипса коня и выехал на розыски следов буланого.

Но тут, в отсутствие Анчока, случилось происшествие, изменившее весь дальнейший ход событий.

В аул прискакал вестник несчастья — в одном из предгорных аулов скончался дядя Гулез, брат ее матери. Не считающаяся ни с какими правилами езды быстрота, с какой эти всадники с суровыми, окаменелыми лицами скачут по аулу, хорошо знакома адыгам. Такой, сопровождаемый встревоженными взглядами, вестник принес это известие в дом Гулез к полудню. И словно от горящей лучины, поднесенной к скирде соломы, дом этот занялся огнем горя и плача. Гулез с матерью тотчас же собрались и выехали на арбе к осиротевшим родственникам. А так как дороги в те времена были опасны, тем более для такой видной девушки, как Гулез, то сопровождать их поехал Камбулет, а вместе с ним и Аледжук, у них гостивший.

Пробыв несколько дней у родственников, они пустились в обратный путь. Волы медленно тянули арбу, и пронзительный скрип ее колес оглашал лесную глушь. Камбулет и Аледжук, сопровождавшие арбу верхом на конях, порою опережали ее, им приходилось останавливаться и поджидать, пока арба подтянется. Камбулет и Аледжук вначале по-рыцарски исполняли свои обязанности провожатых, но на обратном пути они проклинали не только спутниц своих, затеявших эту поездку, но даже и самого покойника, из-за которого им пришлось проделать такой медлительный, нудный путь. От их обычной лихости не оставалось и следа. Они исчерпали все темы разговора друг с другом и теперь, измотанные замедленной ездой и вынужденным бездействием, ехали понурые, вялые и позабыли о необходимости быть

бдительными в опасном пути. В этой беспечности была и немалая доля их самонадеянности.

В том месте лесной дороги, где чаща была особенно густа и где слабо намеченная тропка, ответвляясь от дороги, уходила в глубь леса, — вдруг с двух сторон взметнулись, подобно двум змеям, два аркана. Два друга не успели сообразить, в чем дело, как очутились на земле и были крепко связаны. Тем временем трое других налетчиков остановили показавшуюся из-за поворота арбу и мгновенно скрутили парня-погоныча. Гулез, сразу понявшая, в чем дело, выпрыгнула из арбы и пыталась скрыться в чаще. Но сильные руки схватили ее и, с головой запеленав в бурку, понесли.

Пока Гулез несли, она еще пыталась вырваться, билась, кричала, не помня себя, и ей удалось немного высвободить голову из бурки. Но тут недалеко от дороги она увидела молодого Болотокова и вдруг притихла, словно ее успокоила смертельная пуля. Когда же рядом с Болотоковым она заметила свирепого вида всадника верхом на буланом коне, в котором тотчас же признала Нальмеса, — не то крик радости, не то вопль отчаяния вырвался у Гулез и она залилась слезами.

Княжич Болотоков был верхом на своем великолепном «арабистане». Даже не взглянув на Гулез, он властным и надменным жестом приказал своим людям тронуться в путь. Тот всадник, что ехал на Нальмесе, взял Гулез к себе на седло.

Отчаянная надежда побудила Гулез оглянуться назад, но она только услышала приглушенные вопли матери...

Безостановочно всю ночь ехали они. За это время князь ни одного слова не сказал Гулез. Да и все они меж собой не говорили и весь путь молчали, точно безъязыкая волчья стая. Лишь всадник, который вез Гулез, время от времени ругал Нальмеса, который не подчинялся седоку, то и дело сбивался с шага, капризно шарахался в стороны и с явной неохотой шел во вражеский стан.

За ночь они миновали несколько аулов и лишь на рассвете остановились в каком-то небольшом ауле. Гулез, почти потерявшую сознание, внесли в дом и, наконец, освободили от бурки. Она повалилась на кровать и

долго пролежала в полузабытье. Помнила только, что женщина принесла еду и стала упрашивать отведать. Но Гулез, не произнеся ни слова, отвернулась лицом к стене. После, когда пришла в себя, она припомнила, что женщина эта говорила на бжедугском наречии — значит Гулез оказалась в Бжедугии.

Оконное отверстие в комнате было наглухо заткнуто свернутой шкурой, слабый и бледный свет проникал лишь через отверстие дымаря. Гулез потеряла всякое представление о времени и не знала, много ли, мало ли времени провела она в этой комнате.

Но вот за дверью послышались шаги, и Гулез, словно ее подтолкнул кто, вскочила с постели и кинулась в угол. Широко раскрыв глаза, глядела она на дверь. Предчувствие не обмануло ее: вошел Болотоков. Он остановился у порога и со злорадной усмешкой рассматривал некоторое время притаившуюся Гулез.

— Ну, как чувствуешь себя, языкастая дочь шапсугов? — произнес, наконец, Болотоков.

Услышав издевательство в голосе князя, Гулез подняла голову и выпрямилась. Но ничего не ответила. только неотрывно и теперь уже с ненавистью и презрением глядела на своего врага.

— Так было со всеми, кто пытался проявить неуважение к княжеской чести, — продолжал Болотоков. — Я искал твоей дружбы, мне хотелось иметь тебя другом среди шапсугов. Мне думалось, что по своему уму и громкой славе ты достойна этого. Но ты оказалась,— чего и нужно было ожидать от всякой подобной тебе шапсугской девки, — недостойной моих надежд. Теперь за оскорбление, мне нанесенное, ты навеки будешь влачить жалкую долю рабыни на моих задворках. Я заставлю тебя, — воскликнул князь, словно разгневанный вдруг своими же словами, — радоваться, когда тебе удастся спокойно уснуть на огрызках сена в хлеву. Я заставлю тебя ползать передо мной и целовать мои чувяки, вымаливая мою милость. Но единственный способ добиться моей милости — это теперь же набраться ума и выслужить ее покорным усердием, так же, как выслуживают ее прочие рабыни. Если же ты и в дальнейшем вздумаешь быть такой же строптивой, я тебя в зловонной яме сгною. Подумай над этим! Хорошо по-

думай над тем, чем смогли помочь тебе твои хваленые шапсуги, которые валяются связанные там, на лесной дороге.

Гулез спокойно и холодно сказала:

— Поступок твой достоин князя, и по всему видно, что ждать от тебя уважения к женщине не приходится. Но знай, человека, рожденного свободным и носящего в сердце стремление к свободе, невозможно поработить,— только умертвить можно его. Я уверена, что рано или поздно след мой приведет к тебе наших шапсугов и ты еще почувствуешь силу карающей руки шапсугских крестьян. А те двое, кого твои люди связали, как баранов, на лесной дороге, те не шапсуги, а подобные тебе и твоим уоркам порочные люди.

— Ну что ж, — увидим! — сказал князь, круто повернулся и вышел.

Долгое время к Гулез в этот день никто не заходил. Свет, падавший через широкое отверстие дымаря, стал тускнеть и постепенно в комнате совсем стемнело. Наконец послышались шаги и в комнату вошли два уорка, в руке у одного из них горела лучина.

— Его светлость велит тронуться дальше в путь, — сказал тот из уорков, у которого не было лучины. Он снял со стены бурку и накинул ее на плечи Гулез.

Ее вывели во двор. В темноте посреди двора она различила людей, державших под уздцы уже оседланных коней. Нальмеса отвел немного в сторону тот самый мрачный уорк, который по дороге сюда держал Гулез на седле. Видно он снова собирался принять Гулез к себе на седло. Но едва этот уорк хотел вдеть ногу в стремя, Нальмес вдруг сердито взвизгнул, взвился на дыбы и обеими передними копытами ударил его в грудь. Тот упал, а Нальмес, вырвавшись, пустился вскачь к воротам.

Надежда молнией блеснула перед Гулез: внезапным рывком вырвалась она из рук того, кто держал ее, оставив в его руках бурку, и крикнув:

— Нальмес, Нальмес! — побежала вслед за конем. Нальмес приостановился и коротко заржал.

Отчаяние придало Гулез силу и ловкость необыкновенную: пока ее похитители опомнились, она уже была

в седле. Нальмес, почуяв на себе родного человека, с места перемахнул высокие плетеные ворота и пустился вскачь.

Приученный находить обратную дорогу, Нальмес помчался по той самой улице, по которой Болотоков со своими уорками въехал в аул. Но путь этот шел по проулкам, до крайности извилистым, и коню, вынужденному то и дело круто сворачивать, вскоре пришлось замедлить свой бег. А Гулез до боли крепко вцепилась обеими руками в луку седла и, хотя держала поводья в руках, даже не помышляла о том, чтобы управлять конем, а лишь озабочена была тем, чтобы не упасть. Слух и внимание ее обращены были вспять: повернув голову, она напряженно прислушивалась — не настигает ли ее погоня? Сначала она слышала только неистовый лай собак, сопровождавший ее со всех сторон. Но вот, где-то поодаль, видно на другой улице аула послышался топот скачущего коня. Со страшной быстротой приближался этот топот и вот нагнал уже Нальмеса и стал слышен рядом на соседней улице с левой стороны, не дальше, чем через один двор, а затем и опередил. Позади среди лая собак Гулез также услышала беспорядочную дробь копыт многих скачущих всадников. Безнадежность сжимала сердце Гулез — следом за ней гонится целая свора, и один из врагов уже ждет ее впереди! Может, соскочить с коня и бежать пешком? Может, удастся по дворам выбраться из аула, а там добраться до леса? Если ей посчастливится встретить какого-либо бжедугского тфокотля, — он наверняка поможет спастись ей от уорков.

Но пока она раздумывала, Нальмес уже выскочил из аула, и тут же Гулез увидела скачущего ей наперерез всадника. По очертаниям рослого коня, по тонкой фигуре и маленькой шапке Гулез узнала всадника — это Болотоков! Он круто осадил коня, загораживая дорогу Нальмесу. Гулез, испугавшись, что кони столкнутся, невольно дернула поводья, но тут же отпустила их, так как почувствовала, что теряет равновесие, и, чтобы не упасть, снова ухватилась за луку седла. А для Нальмеса этот непроизвольный рывок поводьями был определенным знаком, к которому Анчок приучил его. Повинуясь этому знаку, конь резко сбавил бег, круто повер-

нулся к противнику и, нацелясь прямо в предплечье его коня, в стремительном натиске ринулся на него, толкнул грудью и опрокинул коня вместе с всадником. Болотоков схватил было Нальмеса за уздечку, но, падая, сорвал ее с головы коня. Гулез от резкого толчка тоже чуть не вылетела из седла. При этом она крепко схватила левой рукой что-то белое, попавшее ей под руку. Это белое оказалось концом башлыка Болотокова. И лишь после того, как Нальмес, совершив свой подвиг, снова, как борзая, в спокойном и стремительном беге распластался по дороге, теперь перед ним открытой, и топот погони позади стал все глуше и тише, — только тут Гулез догадалась подобрать треплющийся по ветру башлык, конец которого она так все время и не выпускала, судорожно прижав его к луке седла.

Ужас и отчаяние в душе Гулез сменились теперь невыразимым восторгом и таким полным ощущением свободы, какого она никогда не испытывала. Ей казалось, что у нее выросли крылья, что не Нальмес — ее бесценный Нальмес! — мчит ее, а сама она летит свободной крылатой птицей. Бешеная скачка теперь уже не страшила ее и она готова была обняться с ветром, хлещущим с невероятной силой в лицо, и унестись с ним ввысь.

Но и в этом вихре ликованья ее не оставляла тревога: — «Только бы не догнали». — «Уноси, Нальмес! Быстрее, быстрее, несравненный мой Нальмес!» — безмолвно молила она, все крепче сжимая руками луку седла. И Нальмес, словно понимая немой крик ее души, старался изо всех сил. Гулез и не догадывалась, что на коне уже нет уздечки и что он сам без узды мчит ее. Она также не задумывалась над тем, куда ее несет Нальмес. Она безотчетно вернла ему, как если бы в нею был самый верный, надежный и сильный друг.

Гулез только беспокоила мысль, что слишком долго скачут они и что ее самоотверженный друг может задохнуться от такой долгой скачки. А Нальмес все мчался, и так плавно и непринужденно легко, словно летел, едва касаясь копытами земли. Видно, он приучен был к такой скачке и эта размеренная стремительность была для него так же обычна и нормальна, как для птицы — полет.

Множество перелесков и кустарниковых зарослей миновали они. Наконец, влетев в какой-то большой лес, Нальмес остановился и, отфыркиваясь, пошел шагом. Несколько раз он вздохнул так судорожно и глубоко, что Гулез коленями своими ощутила, как поднялись и опустились его бока. И в порыве жалости, нежности и признательности она перегнулась через луку седла, обняла шею коня и ласково похлопала его по теплой, чуть влажной шее.

— Бесценный Нальмес мой! Устал ты, бедный.

Но Нальмес в ответ со строгостью навострил уши, словно осуждал свою всадницу за отсутствие серьезности и предупреждал, что предаваться восторгу и нежностям еще не время.

И Гулез поняла его. Досадливо вздохнув от того, что ее друг не может говорить, она выпрямилась, удобнее уселась в седле и тут же обратила внимание на то, что вокруг нее не было уже ни свиста ветра, ни топота погони, чудившегося ей во все время скачки. Непроглядная тьма и глухомань, подстерегающая чуждость и жуткая тишина... Редкий вскрик ночной птицы делал еще более глухой и зловещей эту тишину. Страх сжал сердце Гулез. Только близость Нальмеса, ощущение его живого тепла утешали ее.

А Нальмес шел почему-то особенно настороженно и, как показалось Гулез, с каким-то особенным напряжением держал голову и очень осторожно поваживал ушами, до предела заострив их и все посматривая на правую сторону. В одном месте Нальмес как бы в нерешительности придержал шаг, остановился, — а потом уверенно свернул с дороги.

Гулез хотела было повернуть коня обратно, но тут обнаружила, что уздечки уже нет. Хотя она до этого момента конем не управляла и вовсе не ощущала нужды в поводьях, но то, что уздечки не оказалось, напугало ее. И даже недоверие к Нальмесу шевельнулось в ее сердце, на минуту ей показалось, что конь сбился с дороги.

Скоро Гулез разглядела, что конь идет по какой-то глухой малопроезжей тропе. Лесная чаща обступала здесь все теснее, и ветви порою хлестали ее по лицу. Гулез была уже близка к отчаянию, решив, что конь

заблудился. Но что могла она предпринять? Теперь она причину своей возможной гибели видела только в отсутствии поводьев и горячо досадовала на то, что лишена возможности управлять конем, который занес ее невесть куда

Но вот Нальмес стал осторожно спускаться по крутому склону какого-то глубокого оврага. Гулез видела на дне оврага неширокую, заболоченную лужу. Нальмес ступил было в одно место, но, увязнув по колено, тут же выбрался. Лишь перепробовав несколько переходов, решился он, наконец, ступить в болото. Увязнув почти по брюхо, он сделал отчаянное усилие и, сопровождаемый вязким хлюпанием болотной грязи, стремительным рывком перемахнул через овраг. И тут Гулез вдруг вспомнила, что, когда ее везли в плен, то с таким же трудом одолевали этот самый овраг. В порыве раскаяния за свое мимолетное недоверие к дорогому другу, она опять перегнулась через седло и обняла шею коня, прося у него прощения. Снова она обрела веру в своего Нальмеса и несколько успокоилась. Нальмес, выбравшись из оврага, со стоном отряхнулся от грязи и зашагал дальше.

Долго они пробирались по этой глухой тропе. Гулез ничего не видела перед собой. Она была удивлена и восхищена тем, что Нальмес в этой темноте так уверенно находил дорогу. За это время они перешли еще несколько оврагов-речушек, менее страшных, чем первый. Наконец Нальмес выбрался на какую-то более просторную дорогу и сам, без всякого понукания, пустился размашистой рысью. Гулез вынуждена была снова все свое внимание сосредоточить на том, чтобы крепче держаться за луку седла и не упасть.

Так неслись они долго. Гулез вспомнила, что люди определяют время ночи по звездам Попыталась она сама определить, какая часть ночи уже миновала, но тут обнаружила, что из многого, что слышала она, мало что усвоила, и от души пожалела об этом.

А Нальмес все мчался стремительной рысью, время от времени сворачивая на какие-то поперечные дороги. Все чаще стали среди леса попадаться поляны. И вдруг, в момент, когда Нальмес выскочил на одну из таких полян, позади раздался близкий выстрел.

Словно понимая, что звук этот выражает опасность, Нальмес пустился вскачь и быстро проскочил поляну. Но когда они выехали на следующую поляну, им вслед совсем близко прокричал филин. Гулез обуяла жуть. С детства ей внушили страх перед филином и она боялась крика этой птицы, считая его недобрым предзнаменованием. Спустя минуту крик филина повторился, но теперь с противоположной стороны поляны. Гулез пригнулась к седлу, крепче вцепилась в луку и всячески понукала Нальмеса, чтобы тот быстрее уносил ее от этого страшного места. Но Нальмес неожиданно остановился и стал, напряженно поваживая ушами, оглядываться.

Негодованию Гулез не было предела. Если бы у нее была плеть, она бы в порыве гнева отхлестала своего драгоценного Нальмеса. Но Нальмес не обращал внимания на ее неистовое понукание; навострив уши, он как бы застыл, чутко прислушиваясь.

Вдруг с противоположной опушки леса, с того места, где дорога снова уходила в лес, раздался окрик:

— Нальмес!

Нальмес встрепенулся, весь взыграл, перебирая ногами, издал короткое ржание и снова застыл, чутко вскинув голову.

И Гулез тоже узнала этот голос: высокий, звонкий и, вместе с тем, необычайно мягкий, певучий — среди тысячи других голосов она выделила бы и признала этот голос.

— Анчок! — крикнула она.

Из чащи показался всадник и подлетел к Гулез.

— Гулез! Ты здесь?..

Но Гулез ничего не могла ответить. Напряжение сил, поддерживавшее девушку во время этого необыкновенного пути, вдруг ее покинуло. Она почувствовала такое изнеможение и слабость, что, почти теряя сознание, стала клониться с седла, и если бы Анчок не взял ее в объятия, она свалилась бы на землю.

— О, Анчок... — только и смогла она произнести ослабевшим голосом.

— Откуда ты взялась, свет мой! — воскликнул пораженный Анчок, осыпая поцелуями ее лицо и волосы.

— Что со мною было и как я оказалась здесь, о том долгий рассказ и я после все расскажу, — отвечала Гулез. — Но вот как это ты, к моему счастью, оказался на моем пути?

— Я вовсе и не думал встретить тебя здесь. Я подстерегал только Нальмеса. Мои друзья сообщили мне, что вчера к вечеру видели Нальмеса под одним из всадников, направлявшихся в сторону Бжедугии. Я решил, что этот всадник когда-нибудь да вернется обратно. И вот с вечера я расставил друзей по всем тропам, ведущим из Бжедугии к нам, сам же я стал на этой дороге потому, что Нальмеса видали именно на этой дороге. У меня был такой расчет: если седок, ехавший на моем коне, думал я, хоть немного опытен в верховой езде, то он уж, наверно, заметил способность моего буланого находить обратную дорогу. Потому, возвращаясь ночью, он не будет утруждать себя распознаванием дороги в темноте, а предоставит волю коню. А уж Нальмес, предоставленный самому себе, пойдет обратно той же самой дорогой. Вот я и дождался своего Нальмеса, — и вместе с ним неожиданно и своей Гулез! — крепко обнимая Гулез, говорил Анчок.

Тут с двух сторон поляны подъехали к ним два всадника, видно, те, что кричали филином. Только они, спешившись, поздравили Анчока с удачей, как издалека послышался приглушенный выстрел. Все трое мужчин разом умолкли и стали настороженно прислушиваться. Через минуту оттуда же выстрел повторился.

— Это стреляет Хатав, он дает нам знать, что в нашу сторону едет группа всадников — не один и не два, а больше. Как мы поступим? — спросил у своих друзей Анчок.

— С тобой женщина, Анчок, и ты должен проводить ее, а мы проследим за этими всадниками и, если понадобится, задержим их.

— Нет, Нахо, — возразил другой, — я поеду с Анчоком, а ты собери наших друзей и действуй.

Так они и сделали. Анчок пересел на своего Нальмеса, взял к себе на седло Гулез, а его спутник повел на поводу коня, на котором был Анчок, и они уехали.

* * *

Но для Анчока и Гулез возвращение домой сулило новые и большие опасности. Чтобы этих опасностей по возможности избегнуть, они дорогой выработали целый план. Согласно ему Анчок повез девушку не домой, а к Гучипсу. Боясь, что Камбулет будет сопротивляться их браку, они решили, что лучше всего отдаться под защиту такого авторитетного и мужественного старика, как Гучипс. «Чтобы меня получить от него, нужно не иначе как переступить через его труп», — уверенно говорила Гулез

Оставив Гулез у Гучипса, сам Анчок тоже скрылся на время из своего дома, — но находился здесь же, в ауле.

На следующее утро Гучипс созвал несколько самых почтенных в ауле людей и объяснил им все дело. Посоветовавшись между собой, они выбрали трех стариков во главе с Гучипсом и послали к семье Гулез уладить миром это дело. Родители Гулез сначала воспротивились этому браку, они даже угрожали объявить Анчоку непримиримую кровную месть, но потом сдались на уговоры. «Не так хотели мы решить судьбу нашей дочери. Но раз вы, старики, от лица аула находите более уместным кончить дело миром, мы не станем против воли аула», — сказали родители.

Однако тут вернулся Камбулет. Он выехал было на поиски Гулез, но, услышав весть о том, что она отыскалась, сам поспешил домой. Камбулет стал настаивать на том, чтобы Гулез прежде всего вернулась домой. Камбулет обвинил Анчока в том, будто Анчок из засады напал на них, когда они возвращались с похорон, похитил Гулез, заставил их старую мать пережить страшное горе и оскорбил ее старость. Этого уж он, Камбулет, вовек не простит Анчоку, и никто не может требовать, чтобы были прощены такие обиды, такие оскорбления.

Гулез, узнав о том, какой оборот приняло дело, через посредника попросила стариков собрать открытый суд старейшин аула и рассудить их. Гулез, по совету Анчока, который держал с нею связь через посредника,

попросила назначить суд только через неделю, чтобы могли подоспеть нужные люди из отдаленных аулов.

Ко дню суда в аул съехались многочисленные друзья Анчока, все больше молодежь его возраста. Среди них были и два тфокотля из Бжедугии. Молодые люди на суде заявили: — Анчок наш побратим, мы связаны с ним не только дружбой, но и кровными братскими узами, поэтому обида Анчока — наша обида, кровь его — наша кровь, враг его — наш враг. И тот, кто станет отнимать у него невесту, будет иметь дело с нами.

По обычаю Гулез не могла сама явиться на суд. Но посредник от ее лица рассказал все, что с ней случилось, и она передала суду башлык Болотокова. На башлыке том были вышиты имя и титул княжича, а также арабские молитвы, предназначенные предохранять его от пули. Принадлежность башлыка Болотокову была неопровержима. Таким образом Гулез доказала непричастность Анчока к ее похищению и опровергла главное обвинение, выставленное Камбулетом против Анчока.

А когда посредник Гулез рассказывал о столкновении Нальмеса с «арабистаном» княжича Болотокова, всех присутствующих на суде рассмешило поведение старого Гучипса. Едва посредник сказал о том, как буланый ударил грудью своего противника, Гучипс, не помня себя, вскочил, поднял руку и, подавшись всем телом вперед, напряженно ждал. И едва только было произнесено слово — «опрокинул», старик с восторгом воскликнул:

— Опрокинул! Хваленого «арабистана» опрокинул! Ай аферим [1], наш буланый!

Оставалось еще одно препятствие, мешавшее окончательно решить судьбу Гулез. Это было слово, которое она дала шапсугской молодежи: выйти замуж за того, кто покажет себя лучше всех на состязаниях. Но тут заговорил Гучипс.

— Старикам, собравшимся здесь, известны события последнего времени, — сказал он. — Им известно также и то, что Анчок показал себя в этих событиях му-

[1] Аферим — выражение высшей похвалы.

жественным и преданным своему народу тфокотлем Среди его ровесников никто пока еще в мужестве и доблести не превзошел его. Так что Анчок и до состязания заслужил себе сердце прекрасной Гулез. И я нахожу уместным такое решение: пусть все же Гулез проведет при своем главенстве предстоящие состязания молодежи, а затем мы это празднество закончим большим свадебным джегу, которое соединит Гулез с Анчоком.

На этом и согласились. Но Камбулет, у которого из рук были выбиты все доводы, все же отказался подчиниться решению старейшин. Тогда старики заявили, что с тем, кто не считается с мнением аула, аул тоже не хочет считаться, и пусть Камбулет покинет селение.

А тут еще на судилище прибыл пастух из дальнего аула.

— Я должен сообщить собравшимся здесь, что среди вас завелся предатель, — сказал этот пастух. — Это — именующий себя уорком житель вашего аула Шеотлуко. Я давно приметил, что у него есть потайные места для встреч с лазутчиками темиргоевского княжича. Я поблизости от этих мест как раз пасу овец. Однажды, перед тем, как похитили Гулез, я подслушал разговор Шеотлуко с одним из лазутчиков молодого Болотокова. Спрятавшись в чаще леса, я своими ушами слышал, как Шеотлуко передавал лазутчику Джанчерия Болотокова о том, что «девушка, интересующая Джанчерия, поехала в дальний аул оплакивать умершего родственника. На обратном пути будет удобно захватить ее, как этого хотел князь. Ее сопровождают только два всадника». Тогда я не мог узнать, о какой девушке шла речь. Но как только узнал я о похищении Гулез, тут же поспешил сюда, но запоздал из-за дальности пути. Воля ваша, судите, как хотите.

На суде присутствовал почти весь аул и, услышав эту речь пастуха, все потребовали вызвать сюда самого Шеотлуко и здесь перед всем народом допросить его. Послали за Шеотлуко. Но посланцы тут же вернулись и сообщили, что Шеотлуко недавно уехал, а куда — неизвестно.

Камбулет, видя, как разгневан народ против Шеотлуко и тех, кто держит сторону князей, заявил, что не

может итти против воли аула и согласен помириться с Анчоком.

А Шеотлуко, спасаясь от гнева народа, так и не вернулся в аул. Вскоре стало известно, что он убежал к темиргоевцам. Спустя месяца лва Шеотлуко через посредников тайно вывез туда свою семью. В ауле, конечно, знали об этом, но не стали мешать женщинам и детям следовать за отцом.

Художник *А. Глуховцев*

Литер. редактор *Ю. Либединский*

Редактор *А. Ханаху*

Техн. редактор *А. Доценко*

Корректор *А. Кузнецов*

Сдано в набор 17-X-1951 г. Подписано к печати 22-XI-1951 г.
Формат бум. 59х84-16. Бумажн. л. 3,25. Печатных л. 5,85.
Авторских л. 4,56. Уч.-изд. л. 5,1. Издательский № 4.
МО 32887. Заказ № 342. Тираж 50.000
Цена 2 руб. 95 коп.

Отпечатано с матриц в Адыгейской
областной типографии г. Майкоп,
Первомайская № 161.

Цена 20 5к